

РИНА РОФИ

ВЗЛОМ С
ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Рина Рофи

Взлом с последствиями

«Литнет»

2025

Рофи Р.

Взлом с последствиями / Р. Рофи — «Литнет», 2025

Привет, я Маргарита. Ну, или просто Рита. Мне двадцать пять, и я взломщик порталов. Если проще — наемница со специфической квалификацией. Меня нанимают, чтобы перепрошить пространственно-временную дыру, подключиться к ней и выудить данные: кто и куда собирается шагнуть. И да, как вы, наверное, догадались, я не совсем человек. Я — ходячая. Существо, способное проходить сквозь миры. Жизнь у нас длинная, исчисляется веками, если, конечно, тебя не пришьют межпространственным гарпуном или не сожгут магией третьего кольца. Как я докатилась до такой жизни? О, это долгая и невеселая история. Наш мир пал. Рассыпался, как песочный замок под напором черной бездны. Я уже 10 лет живу на Земле, в этом душном, шумном, но удивительно живучем муравейнике. И, благо, нашла здесь клиентов на свои уникальные услуги. В основном, конечно, это всякие демоны, полукровки и прочий теневой межмировой сброд. Честных сделок между измерениями не бывает. Бывают — выгодные. И один взлом разделил мою жизнь на До и После... Теперь я не просто Рита, не просто Ходячая, а контрактор на службе у демона и судя по его намекам контракт бессрочный. И как вот ему объяснить, что в контракт не входит флирт и его намеки на переход в горизонтальное положение с весьма тесным изучением анатомии! Одним словом демон и не простой... Велиал.. Князь.. Угроздило же меня так влипнуть.. Что ждет? - сильная главная героиня - страсть - властный, но не жесткий в своей демонической сути главный герой - от неприязни до любви - поиск заказчика, выход на темные силы, заговор - откровенные сцены не с первой главы! - ХЭ - Ходячая сквозь миры Книги про ходячих: 1. Оборванная связь. - 2. Ходячая сквозь миры. Ты моя -

© Рофи Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Заказ	6
Глава 2. Златовласка	12
Глава 3. Адское приключение	17
Глава 4. Шаг	28
Глава 5. Москва	34
Глава 6. Пентхаус	44
Глава 7. День вместе	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1. Заказ

Привет, я Маргарита. Ну, или просто Рита. Мне двадцать пять, и я взломщик порталов. Если проще — наемница со специфической квалификацией. Меня нанимают, чтобы перепрошить пространственно-временную дыру, подключиться к ней и выудить данные: кто, куда и когда собирается шагнуть. И да, как вы, наверное, догадались, я не совсем человек. Я — ходячая. Существо, способное проходить сквозь миры. Жизнь у нас длинная, исчисляется веками, если, конечно, тебя не пришьют межпространственным гарпуном или не сожгут магией третьего кольца.

Как я докатилась до такой жизни? О, это долгая и невеселая история. Наш мир пал. Рассыпался, как песочный замок под напором черной бездны. Остатки ходячих разбросало по вселенной, как пепел. Я уже семь лет живу на Земле, в этом душном, шумном, но удивительно живучем муравейнике. И благо, нашла здесь клиентов на свои уникальные услуги. В основном, конечно, это всякие демонюги, полукровки и прочий теневой межмировой сброд. Честных сделок между измерениями не бывает. Бывают — выгодные.

Мой телефон звенел так, будто хотел провалиться сквозь карман реальности.
 — Рит, срочное дело.
 Голос Кирилла — моего, условно говоря, агента — был напряженным. Он всегда напряженный, но сейчас в нем звенела особенная, фальшивая нота.
 — Говори, Кир. Только без «срочно». Все, что «срочно», пахнет неприятностями.
 — Портал надо перепрограммировать. Находится на минус третьем этаже бизнес-центра.
 Я прищурилась, хотя он меня не видел. Стояла на крошечном балконе своей съемной квартиры, смотрела на ночной город, утопающий в рыжем свете фонарей. Земной воздух пах выхлопами и надеждой. Своеобразный коктейль.
 — Что за бизнес-центр? — спросила я, уже чувствуя подвох.
 — «ОкоМира».

Я замерла. «ОкоМира» был не просто стекляшкой. Это был один из мощнейших узлов легальной порталной сети в городе. Там работали серьезные корпорации, имевшие лицензии на межмировую логистику. Империя «Астрал-Инкорп». Их охрана сканировала не только на наличие оружия, но и на аномальную активность. Как мое собственное естество.

— Кто заказчик? — голос мой стал холодным и плоским.
 — Рит, не могу сказать.
 — Почему?
 Пауза. Я слышала, как он нервно перебирает бумаги на своем столе.
 — Верхушка...
 — Демоны? — выдохнула я. Слово повисло в эфире, тяжелое и маслянистое.
 — Да.

Я зажмурилась. «Верхушка» у демонов — это не просто начальник отдела. Это старые, могущественные сущности, чьи планы простираются на столетия вперед. И в эти планы очень не хотелось попадать в качестве расходного материала.

— А что с порталом-то не так? Чего им от меня нужно?
 — Хотят в его матрице карман сделать. Для... другой точки входа. Незаметный черный ход.
 Я фыркнула.
 — Контрабанда, что ли? Или тихий десант?
 — Ну, как понял... да.

Вот оно. Кир знал мои правила. Нет — политике. Нет — большим игрокам. Нет — вмешательству в легальные сети. Я ремонтировала сломанное, чистила зараженные порталы от энергетических паразитов, подключала «пиявок» для тихого отсоса данных по просьбе обиженных жен. Работа грязная, но мелкая. А это... это было, как взломать банкомат в отделении ФСБ.

— Бля, Кирилл! — зашипела я в трубку. — Ты же знаешь, я не берусь за такое! Если «Астрал-Инкорп» засечет вмешательство или, что хуже, сами владельцы портала накроют меня там... Мне не просто хана, Кир! Мне вечный распад в небытии обеспечат! Или подарят, как диковинку, какому-нибудь архидемону!

— Да не поймают, не бойся! — он затараторил, слышно было, что самому страшно. — В это время там активность на нуле. Техническое окно. Охрана только периодический обход делает. У тебя будет три часа.
 — Месяца моей земной жизни на взлом их криптошифров! — огрызнулась я. — Их систему безопасности писали, наверное, сами архангелы на заре времен!
 — Рита...
 — Двойной гонорар, — отрезала я. — Мой стандартный тариф, умноженный на два. И рисковую надбавку — еще пятьдесят процентов.
 — Рита! — в его голосе прозвучала настоящая боль. Демоны платят хорошо, но торговаться с ними смертельно опасно. Для агента.
 — Кир! — парировала я с ледяной твердостью. — Иначе — не возьмусь. Ищи другого дурачка. Только в радиусе трех планет таких, кроме меня, нет. И все они либо в рабстве, либо под стражей Совета Миров.

Длинная пауза. Я представляла, как он вытирает пот со лба.
 — Ладно, — сдался он, потерпевший поражение. — Договорились.
 — Половина — вперед, — напомнила я, не позволяя ни капли триумфа просочиться в голос. — На обычный счет. Биткойнами. Как только увижу шесть нулей, начну подготовку.
 — Переведу в течение часа. Данные по объекту, схемы, коды доступа — все сброшу в защищенное облако. Ключ — как обычно.
 — Жду, — кинула я и разъединилась.

Телефон дрожал у меня в руке. Я снова посмотрела на город. Он казался таким хрупким. Таким наивным. Он не знал, какие сделки заключаются в его ночной тишине, какие трещины собираются прорубать в его реальности.

Я откинулась на спинку стула, и комната поплыла перед глазами. Не от усталости. От провала в памяти. «ОкоМира»... Владелец — корпорация «В.». Просто буква. Пустота, обернутая в легальный бланк.

— Черт, — прошептала я себе под нос, запуская ноутбук.

Экран озарился холодным синим светом. Быстрый поиск, пара зашифрованных запросов в тех чатиках, где обитают такие же, как я. Информация скупая, словно ее специально выжигали. «ОкоМира» — бизнес-центр класса «А». Аренда — от космических сумм. Владелец — офшорная структура «V. Holdings». Ни лица, ни имени. Только слухи. Шепот в теневых сетях: «демоническая контора», «проклятое стекло», «не суйся».

Это мне ни о чем не говорило. Кроме того, что слухи, скорее всего, правдивы.

Пальцы сами потянулись к телефону. Набрала Кира.

— Кир, досье есть? Имя владельца «Ока» знаешь?

Он ответил почти мгновенно, голос был сдавленным, будто он говорил, прикрыв рот ладонью.

— Имя знают. Велиал.

В ушах зазвенела тихая, высокая нота. Воздух из легких вышел разом.

— Ох черт... — выдохнула я. — И чем же он в аду промышляет?

Пауза. Я слышала, как он нервно перебирает четки на столе — глухой стук костяшек.

— Рит, он не «промышляет». Он княжит. Велиал. Князь Обмана. Повелитель Договоров и... Соблазна. Старший.

Слова падали, как камни, в тишину моей квартиры. Князь. Не мелкая сошка, не торговый демон-полукровка, а одна из древних сил. Тот, чье имя используют как угрозу даже в моем, почти забытом, мире.

— Его сфера, — продолжил Кир, и его голос стал монотонным, будто он зачитывал смертный приговор, — не грубая сила. Это яд в самом красивом кубке. Договор, где твоя погибель прописана в пункте, который ты никогда не прочтешь. Искушение, которое ты примешь за свою собственную гениальную идею. «ОкоМира» — это не просто его актив на Земле. Это его посольство. Его зона личного контроля.

Я зажмурилась. Картина складывалась, и она была чудовищной. Взломать портал в посольстве Князя Велиала? Это было не преступление. Это было самоубийство с элементами святотатства.

— И... наш заказчик, — голос мой звучал чужим, — он действует *против* Велиала? Или для него, но так, чтобы сам Князь не узнал?

Тишина в трубке стала густой, тягучей. Казалось, даже цифровой сигнал замер в страхе.

— Рита... — наконец прошептал Кир. — Клянусь тенями, не знаю. Мне сказали: «Верхушка. Демоны. Сделать черный ход. Никаких вопросов». Я спросил про риски для тебя. Мне ответили: «*Наш* риск – провал. *Ее* риск – только быть пойманной. Но платим соответственно».

«Только быть пойманной». Легко сказано. Попасть в руки стражи Велиала – это не тюрьма. Это разобранная на атомы душа, растянутая в вечности как пергамент для его новых коварных договоров.

Я посмотрела на экран ноутбука. Там, в защищенной папке, уже мигал значок о поступлении криптовалюты. Первая половина. Сумма с шестью нулями, как я и требовала. Достаточно, чтобы исчезнуть с этой планеты и попробовать начать все сначала где-нибудь на задворках Пятого кольца.

Но исчезнуть от Велиала? От его агентов, чьи сети пронизывали миры? Это была иллюзия. Деньги были не платой. Они были приманкой. И крючок уже был во рту.

— Данные прислал? — спросила я, глядя на ту же сумму, что и Кир.

— Сбрасываю сейчас. Схемы вентиляции, расписание охраны, коды на систему сигнализации... на текущий час. Они могут поменяться в любой момент.

— Значит, работаем, — просто сказала я и разъединилась.

Телефон упал на стол с глухим стуком. Я обхватила голову руками. Велиал. Карман в его портале. Заказчик из той же «верхушки». Это пахло не контрабандой. Это пахло тихой, смертельной войной в самых верхах демонической иерархии. И мне, бродячей ходячей без рода и племени, предлагали быть тем самым ножом, который вонзят в спину Князю.

Или тем самым тестом, чтобы проверить его бдительность.

В любом случае, участь подопытной крысы меня не прельщала, но путь назад отрублен. Взяв аванс у таких игроков, отказываться – верная смерть. Быстрая и без вариантов.

Остался один путь – вперед. Сделать свою работу так чисто, чтобы не оставить следов даже для себя. И надеяться, что буря, которую я помогаю развязать, сметет в первую очередь не меня.

Я потянулась к нижнему ящику стола, где под ложным дном лежал мой рабочий набор. Не просто отмычки и гаджеты. Кристаллические дешифраторы, ампулы с прахом низшего хаоса для маскировки сигнатуры, серебряная лоза для обхода энергетических решеток. И главное – старый, потрепанный блокнот. В нем – личные заметки, карты слабых мест в тканях миров, пароли от черных ходов, которые я находила сама. Моя страховка.

Работа в посольстве Князя Обмана. Нужно было обмануть самого мастера.

Ирония была бы смешной, если бы не была такой горькой.

— Ладно, Велиал, — пробормотала я, открывая файлы от Кира. — Сыграем в прятки. Только учти, у меня за спиной целая павшая вселенная. Мне терять нечего.

Это была ложь. Хуже того – это был тот самый мелкий шрифт, о котором говорил Кир. Тебе всегда есть что терять. Даже если это лишь призрачная надежда когда-нибудь перестать бежать.

Файлы от Кира были собраны с пугающей тщательностью. Слишком тщательно для обычной контрабанды. Это был не план работы, а скорее приговор, разбитый на пункты.

1. Архитектура "ОкоМира".
3D-модель здания, вращающаяся в углу экрана. Бизнес-центр был не просто зданием — это была геометрическая мантра, воплощенная в стекле и стали. Его спиралевидная форма, если смотреть сверху, повторяла печать призыва определен-

ного типа... вероятно, для фильтрации нежелательных сущностей на входе. Минус три этажа уходили не просто в подземный паркинг. Согласно схеме, они образовывали перевернутую пирамиду, вершиной упирающуюся в узел силовых линий города. Идеальное место для портала-ресивера. И идеальная ловушка.

2. Расписание и маршруты охраны.
 Не люди. По крайней мере, не полностью. Список с позывными: "Грифон", "Басилиск", "Химера". Биометрические данные указывали на химерные гибриды — низших демонов, заключенных в бронированные биоконтейнеры, стилизованные под человеческую форму. Их маршруты были не циклическими, а стохастическими — псевдослучайными. Алгоритм менялся каждый час. Предсказать, где будет "Грифон" в 02:34, было невозможно. Была лишь "карта тепла" — зоны, которые они пересекали чаще всего. Портальная комната была в эпицентре такого "теплого" пятна.

3. Системы наблюдения.
 Не просто камеры. Спектральные сканеры, фиксирующие не только видимый свет, но и фазовые сдвиги (привет, ходячие), ауральные отпечатки и следы магических вмешательств. Они были вшиты в саму структуру стен и перекрытий. Обойти их, физически выключив щиток, было нельзя — сработала бы сигнализация на разрыв цепи. В файлах был вложен вирусный код — "плащ-невидимка", который должен был на 23 минуты подменить изображение со сканеров на петлю из прошлых записей. Напрямую в портовую систему "Ока". Гениально и самоубийственно. Если их антивирус среагирует быстрее, меня выжгут на месте через системы жизнеобеспечения.

4. Сам портал.
 Технические схемы. Он был красив, как астрономический прибор. Кольцо из черного полированного обсидиана, висящее в центре комнаты без видимой поддержки. Внутри кольца — мерцающая, как масляная пленка, мембрана реальности. Код доступа... здесь был не пароль. Для его активации требовался резонансный ключ — особый артефакт или существо с нужной частотой вибрации. В файлах прилагалась симуляция частоты. Мне предстояло пропустить ее через свой кристалл-талисман и выступить в роли живого ключа. Это оставляло на мембране отпечаток. Уникальный, как ДНК. Если что-то пойдет не так, Велиал узнает не просто "кто-то взломал", а "взломала ходячая с частотным паттерном X".

5. Задание по внесению изменений.
 Нужно было не просто открыть черный ход. Требовалось вплести в матрицу портала чужеродный алгоритм — "спящую закладку". При активации по внешнему сигналу она должна была на долю секунды развернуть портал не в прописанные координаты, а в другую, неизвестную точку. "Пункт Б". Координаты "пункта Б" в файлах отсутствовали. Заказчик явно не доверял даже наемнику. Только приемник сигнала для активации и сама программа-внедрение.

6. Пути отхода.
 Их было три, и все — плохие.

Через основной выход: Фантастика, если поднимут тревогу.

Через вентиляцию: Шахты сужались до 20 см в диаметре в ключевых узлах. Не для человеческого тела. Для ходячей в панике, возможно... но болезненно и с риском застрять.

Через аварийный портал-люк: Маленький, стабилизированный портал для утилизации мусора в нейтральное межпространство. Он находился двумя этажами ниже. В файле была пометка: "Канал нестабилен. Рекомендуются только в случае критической угрозы жизни. Выброс случайный."

Я откинулась назад и стул жалобно скрипнул. Воздух в комнате стал тяжелым, как свинец.
 Каждый пункт кричал о том, что это ловушка. Но для кого? Для стражи Велиала, чтобы поймать того, кто полезет в их святая святых? Или... для самого Велиала, чтобы спровоцировать инцидент и начать войну?
 А я была разменной монетой. Визитной карточкой, которую оставят на месте преступления.

Мои пальцы сжали края стола так, что костяшки побелели. Страх застыл в горле холодным комом, но под ним, глубже, начинала пульсировать знакомая, ядовитая энергия — адре-

налин отчаяния.
 Они думали, я пешка. Живой инструмент, который сломается и уйдет в небытие.
 Ошибались.
 Я выжила, когда мой мир рухнул. Я 10 лет крутилась в этом аду из чужих миров. Меня не так-то просто было сломать.

Я потянулась к кристаллу-талисману на шее. Его едва уловимое свечение пульсировало в такт моему сердцу.
 — Хорошо, — тихо сказала я пустой комнате. — Играем по вашим правилам. Но ставки... я повышаю.

Мне нужен был не просто выход. Мне нужна была страховка. Если уж оставлять отпечатки, то оставить и информацию. Такую, которая сожжет не меня, а тех, кто меня послал, если со мной что-то случится.
 Время до выхода на задание было еще. Его хватит, чтобы не просто изучить файлы, а... дописать их.

Мой взгляд упал на маленький, невзрачный флеш-накопитель в форме черепа, валявшийся среди хлама. Подарок от одного техно-некроманта с Третьего кольца. «На черный день», — сказал он тогда. День был чернее сажи.

Я выдернула флешку из паутины проводов. На экране план операции сияла чистая, бездушная логистика. Они думали обо всем. Кроме одного: живой воли, которую сами же и наняли.

Я открыла новый файл. Не для Кира. Не для заказчика. Для себя. И, возможно, для того, кто найдет это, если меня не станет.

Личные заметки. Операция «Немой ключ».

Заказчик: Аноним (демоническая «верхушка»). Вероятный патрон — кто-то из окружения или соперников Велиала. Возможные кандидаты: Маммон (Князь Сребролюбия, заинтересован в канале контрабанды), или... Астарот (Хранитель Тайн, мог бы желать слепка с портала для шпионажа). Или сам Велиал проверяет лояльность своих систем, подкинув им живую угрозу.

Цель (офиц.): Внедрение «спящей закладки» (черный ход) в матрицу портала Велиала в «ОкоМира».

Цель (реальная): Остаться в живых. Не стать козлом отпущения.

Страховка: Нужно оставить след. Не энергетический (это смерть), а цифровой. Показать, что я не слепой исполнитель.

Я скопировала в новый архив ключевые данные: частотный паттерн для входа, код «плаща-невидимки» для камер, алгоритм закладки. Но не просто так. Я вплела в них микроскопические аномалии — не ошибки, а маркеры. Уникальные цифровые «отпечатки пальцев», которые можно было бы проследить до исходного кода заказчика, если знать, где искать. Я спрятала их в служебных полях, в комментариях, в избыточном коде.

Затем я записала голосовое сообщение. Короткое, на языке своего павшего мира — щелкающие и гортанные звуки, которые не распознает ни один земной или демонический алгоритм.

«Меня зовут Маргарита. Меня наняли для взлома портала Велиала в «ОкоМира». Заказчик — демоническая верхушка, имя неизвестно. Если вы слышите это, значит, со мной что-то случилось. Данные об операции и цифровые следы заказчика зашифрованы и привязаны к моему биометрическому ключу. Они будут высланы на три случайных сервера в глубинной сети при подтверждении моей смерти или через 72 часа, если я не отключу таймер. Ищите нить. Она ведет вверх.»

Я подключила флешку-черепа. Устройство было не просто хранилищем. Оно было мини-порталом в крошечное карманное измерение — пузырь небытия размером с песчинку. Туда нельзя было войти, но туда можно было сбросить данные. И они исчезали из всех реальностей, пока я... или тот, у кого будет парный артефакт-ключ, не вызовет их обратно. Парный ключ был вмонтирован в основу моего талисмана-кристалла. Если кристалл разрушится или моя

жизненная сигнатура исчезнет — данные автоматически «выплюнет» в заранее заданные точки сети.

Я залила в «черный ящик» все: и файлы с маркерами, и голосовое сообщение, и свою расшифровку слухов о Велиале. Затем отправила три тестовых пакета — в самые грязные, заброшенные уголки межсетевого пространства, где данные годами болтаются как цифровой мусор.

Страховка была готова. Теперь, если меня поймут, у них будет выбор: не просто устранить наемника, а иметь дело с информационной миной замедленного действия. Возможно, это меня не спасет, но хотя бы даст шанс, что моя смерть будет для кого-то невыгодной. В мире демонов это был единственный вид безопасности.

Я вынула флешку. Череп будто подмигнул мне тусклым красным светом диода. Я спрятала его в потайной карман на груди, рядом с кристаллом. Они грелись одним холодом.

Теперь можно было дышать. Немного. Я снова посмотрела на схему «ОкоМира». На ту самую комнату на минус третьем. Ловушка. Возможность. Пропасть.

— Ладно, — прошептала я, глядя на мерцающий обсидиановый круг на экране. — Поехали. В гости к Князю.

Я встала, потянулась, и кости ответственно хрустнули. Пора было собирать вещи и идти смотреть в глаза самому Обману.

Я подошла к зеркалу в прихожей.

Из стекла смотрела девушка с лицом, будто сошедшим с фарфоровой статуэтки. Большие, небесно-голубые глаза, обрамленные темными ресницами. Круглые, чуть детские щечки. Пухлые, будто надутые губы. Золотые волосы, собранные в тугую, высокий хвост, только подчеркивали это впечатление хрупкой, почти кукольной красоты.

Но это была лишь внешняя оболочка. Ловушка для тех, кто верит в упаковку.

Я знала, что скрывается за этой милой маской. Знакомый холодок в глубине этих голубых глаз — отблеск чужих солнц и разломов между мирами. Тонкий, едва заметный шрам над бровью — не от падения с велосипеда, а от первой драки на миссии

Я повернулась боком, оценивая силуэт. Облегающая одежда не скрывала, а скорее, обрисовывала мягкие изгибы — линию бедер, изгиб талии. Природа, казалось, одарила меня телом для неги и покоя, но тот, кто присмотрится — или попытается схватить, — почувствует другое. Под этой обманчивой мягкостью лежал твердый, упругий слой мышц, выкованных не в спортзале, а в бесконечных побегах, в лазанье по вертикальным стенам руин и в отчаянных схватках, где победа измерялась не очками, а правом дышать еще пять минут. Это была сила не для показа, а для выживания. Сила пантеры, затаившейся в облике домашней кошки.

Драться я умела. Не по спортивным правилам. А так, как учат в межмировых задворках: грязно, жестоко, с одним желанием — выжить, пока противник не дышит. Мое «кукольное» лицо и мягкие формы были лучшим камуфляжем. Кто поверит, что эти пухлые губы могут сомкнуться в боевой оскал, а эта, вроде бы нежная, рука способна с хрустом вывернуть запястье или метким броском вонзить обсидиановую пластину в горловой мешок химеры?

Я ткнула пальцем в свое отражение в зеркале, прямо в центр лба.
— Не подведи, оболочка, — прошептала я. — Сегодня тебе предстоит обмануть самого Князя Обмана. Пусть смотрят на куклу. А укусы почувствуют слишком поздно.

Я надела перчатки без пальцев и невидимую гарнитуру. Последний взгляд на свой ненастоящий, но такой привычный мирок.
Выдох. И — выход в ночь. Навстречу посольству Велиала.

Глава 2. Златовласка

Ночь в этом районе была не темной, а стерильно-синей от света неоновых вывесок и светодиодных фонарей. «ОкоМира» возвышался, как кристалл из черного стекла, впитывая и переливая эти искусственные отсветы. Он не спал. Он бодрствовал, холодный и безразличный.

Я стояла в глубокой тени между двумя вентиляционными коробами на крыше соседней, более низкой постройки. Отсюда открывался идеальный вид на служебный вход на уровне минус один — туда, согласно плану, должна была подъехать машина с ночной уборкой. Ветер на высоте был резким, он выл в ушах, но не мог заглушить тихий щелчок в гарнитуре.

— Рит, на связи. Вижу тебя. Точка Альфа, — в ухе прозвучал голос Кириллы, лишенный обычной нервозности. В работе он становился собранным, как хирург. — Охрана на маршруте «Дельта». «Грифон» только что завершил обход твоего сектора. У тебя окно — семь минут до его следующего вероятного появления.

Я кивнула, будто он мог это видеть.
 — Выхожу.

План был рискованным, но элегантным. Не через парадные двери под личиной сотрудницы — биометрию не обманешь. Не через вентиляцию на нижних этажах — там датчики движения и давления. Мы решили сыграть на человеческом, вернее, демоническом факторе — на рутине.

Ровно в 02:15 к служебному въезду, как по расписанию, подкатил серый фургон без опознавательных знаков. Из него вышли три фигуры в одинаковых серых комбинезонах с капюшонами. Не люди. От них веяло слабым запахом серы и озона — элементали низшего порядка, пригнанные на черную работу. Уборщики. Их код доступа был простым и одноразовым — чип-карта у старшего.

Я ждала, затаив дыхание. Последний из элементалей зашел внутрь, тяжелая дверь начала медленно закрываться. Это был момент.

Оттолкнувшись от парапета, я совершила короткий, почти невесомый прыжок через узкий промежуток между зданиями, приземлившись на выступающий карниз «ОкоМира» с мягким, глухим стуком. Не останавливаясь, я съехала вниз по почти вертикальной стеклянной стене, используя магнитные клипсы на кроссовках и перчатках. Они держали недолго, но трех секунд хватило, чтобы оказаться у самой двери, когда щель между створками была еще в ладонь шириной.

Я просунула внутрь тонкую, гибкую пластину с петлей на конце, зацепила штанину последнего элементали и резко дернула на себя. Существо хрипло крикнуло от неожиданности, споткнулось и на мгновение задержало движение двери. Мне хватило мгновения. Я впрыгнула в щель, мягко приземлилась на кафель и прижалась к холодной стене, пока автоматика, наконец, с раздраженным шипением, затворила дверь.

— Внутри, — выдохнула я.
 — Вижу. Они идут к лифту. Ты — по лестнице. Сейчас, — в голосе Кира послышался стук клавиш. — Готово. Датчики на лестничной клетке с минус первого до минус третьего на петле. У тебя четыре минуты. «Василиск» начинает свой раунд с восточного крыла. Не пересечешься, если не будешь болтаться.

Я уже мчалась вниз по бетонным ступеням. Воздух пах замкнутостью, озоном и чем-то металлическим, приторным. Свет давали тусклые аварийные лампы. Мои шаги были беззвучными тенями на грани слышимости.

Минус два. Здесь было чище, почти операционная стерильность. В гарнитуре высветилась тепловая карта: прямо по курсу, за углом, два неподвижных красных пятна — посты охраны. Не химеры, а что-то поменьше, но от этого не менее опасное.

— Стой, — предупредил Кир. — Они не на маршруте. Дежурные. Жди моего сигнала.

Я прижалась к стене, слившись с тенью от выступающей трубы. Сердце колотилось ровно и громко, но только для меня. Прошла минута. Две.

— Сейчас, — прошептал Кир. — У них смена караула. Три секунды недосмотра.

Как только он сказал это, я услышала с другого конца коридора приглушенные голоса, звук откручиваемой фляги. Я рванула с места, проскочила перекресток, пока два охранника, похожих на людей, но с слишком желтыми глазами, разминали затекшие конечности. Я была всего лишь промелькнувшим сквозняком, тенью на периферии зрения.

И вот он — уровень минус три. Дверь в конце коридора. Не бронированная, но из матового черного металла, без ручки, только панель с гнездом для ключа и сканером ладони.

— Портал за ней, — подтвердил Кир. — Код доступа я посылаю на декодер. Это эмуляция сигнала старшего уборщика. Он откроет дверь, но вызовет уведомление в лог. «Плещ» должен его съесть. Начинаю заливку... Сейчас.

Я приложила к панели свой декодер — плоскую черную пластину. Он завибрировал, на его экране забегали строки чужого кода. Прошло десять мучительно долгих секунд.

— Готово. Уведомление перехвачено. Дверь откроется на тридцать секунд. «Плещ» активен на всех каналах в радиусе двадцати метров. Пошла, Рита. И... удачи.

Дверь отъехала в сторону с едва слышным шипением. Передо мной открылась комната.

Она была круглой и абсолютно пустой, если не считать того, что висело в центре.

Портал.

Кольцо из черного обсидиана, казалось, впитывало в себя скудный свет, отдавая лишь маслянистые, переливчатые отсветы на своей идеально гладкой поверхности. Внутри кольца колыхалась мембрана реальности — похожая на ртуть, но живая, дышащая. От нее исходила тихая, низкочастотная вибрация, от которой зубам хотелось скрежетать, а волосам на руках — вставать дыбом.

Я переступила порог. Дверь тут же закрылась за моей спиной, отсекая последний путь к отступлению. Я была внутри пасти зверя. Теперь предстояло вырвать у него один зуб и незаметно вставить свой.

Секунды сжимались, превращаясь в алмазные грани времени. Я выдохнула, отпустив внутренний барьер. Из глубины моего существа, из той самой трещины между мирами, что я ношу в себе, хлынул золотой поток энергии. Он был теплым и знакомым, как дыхание родного солнца, которого больше не существовало.

Энергия обволокла портал, не атакуя, а ошупывая. Я чувствовала каждую вибрацию его матрицы, каждый защитный алгоритм, вплетенный в обсидиановое кольцо. Моя сила — сила стабилизатора, редкий дар даже среди ходячих. Она не ломала, а *успокаивала*, замораживая сложную систему в одном, строго определенном состоянии. Портал замер, его мерцание стало ровным, мембрана перестала колыхаться, превратившись в идеально гладкую, зеркальную поверхность. Теперь он был податлив, как мягкий воск.

Быстрыми, отточенными движениями я подключила декодер к скрытому интерфейсу на краю кольца. На экране поплыли строки первозданного кода мироздания. Я ввела вирусную закладку — изящную, невесомую петлю, которая должна была заснуть в самой сердцевине, ожидая сигнала извне. Почти... почти...

И вдруг за спиной раздался голос. Не из гарнитуры. Не через коммуникатор. Он прозвучал прямо в тишине комнаты, бархатный, спокойный и пронизывающий насквозь, как лезвие, завернутое в шелк.

— М-м... Как интересно. Прямо у меня под носом.

Я замерла. Кровь в жилах обратилась в лед.

— Златовласка творит свои тёмные делишки.

Я медленно, с предельным усилием, оторвала руки от инструментов и повернулась.

В дверном проёме стоял он. Не в костюме архидемона. Он выглядел так, будто только что сошел с обложки дорогого уличного бренда или сошел со сцены на рок-фестивале. Белоснежные, почти платиновые волосы были слегка растрепаны. Лицо — безумно красивое, с резкими скулами, полными губами и пронзительными глазами цвета темной аметистовой вспышки. На нем была простая, но безупречно сидящая обтягивающая белая футболка, под которой четко очерчивался рельеф мощных мышц. Черные кожаные брюки и тяжелые ботинки на тонкой подошве дополняли образ. Он выглядел молодо, дерзко и смертельно опасно. В его расслабленной позе, в легкой, почти ленивой улыбке сквозила абсолютная, вселенская уверенность хищника, который уже держит добычу в когтях и не спешит.

— Продолжай, прошу, — он сделал легкий, приглашающий жест рукой. — Я обожаю наблюдать за работой мастеров. Особенно когда они так увлечены, что забывают о... элементарных правилах приличия. В гости обычно стучатся.

Я знала, кто это. Знала даже без того леденящего душу давления, которое начало медленно растекаться по комнате, сгущая воздух. Это знание било током по позвоночнику.

Велиал. Князь Обмана. Пришел не как правитель в мантии, а как хозяин ночного клуба, заставший воришку в своем личном баре и от этого было в тысячу раз страшнее.

Мой разум, застывший на секунду, взревел сигналом тревоги. Бежать. Нужно БЕЖАТЬ.

Анализ был молниеносным и бесполезным: бой — самоубийство, переговоры — насмешка, оставался только побег. Аварийный портал-люк. Два этажа вниз. Нестабильный выброс. Лучше шанс в случайной бездне, чем здесь и сейчас.

Я не стала тратить время на ответ. Мое тело, уже сжатое как пружина, рвануло не к двери, где он стоял, а вдоль стены — к едва заметному полукруглому люку в полу, отмеченному на схеме Кира. Я двигалась с той немыслимой скоростью, на которую была способна, превращаясь в размытую тень.

Но он был быстрее.

Я даже не увидела движения. Просто пространство между мной и люком сжалось, искрилось, а потом мое тело со всей силы влетело в холодную, гладкую стену из того же черного материала, что и портал. Удар выбил воздух из легких. Я отскочила и попыталась оттолкнуться, но невидимая сила прижала меня к поверхности намертво. Я висела, вжатая в стену лицом, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. словно насекомое, приколотое булавкой.

Я услышала его неторопливые шаги. Мягкий, почти бесшумный стук подошв по полу. Он подошел вплотную. Я чувствовала его присутствие за спиной — теплое, пульсирующее нечеловеческой силой.

— Спешка — признак дурного тона, златовласка, — его голос прозвучал прямо у моего уха, бархатный и насмешливый.

Затем я почувствовала прикосновение. Не грубое, а почти любопытное. Его ладонь, широкая и горячая, легла мне на бедро, скользнула вверх, оценивая упругость мышц под тонкой тканью, и... с легким, звонким шлепком приземлилась на самую выпуклую часть.

Звук был неприлично громким в гробовой тишине комнаты. От неожиданности и унижения во рту вырвался сдвленный вздох.

Он рассмеялся. Низко, довольным тоном.

— Ммм... Аппетитно, — прошептал он, и в его голосе зазвучала такая сладость, что по коже побежали мурашки. Его пальцы слегка впились в плоть, явно наслаждаясь ощущением. — И на ощупь... живее всех живых. Кто же тебя, такую сочную, ко мне в логово послал, а?

Мозг лихорадочно соображал, прокручивая варианты с бешеной скоростью. Открыть портал здесь и сейчас? Невозможно. Я сама держала его в ледяной стабилизации, чтобы вшить закладку. Отключить поток — значит, вызвать хаотичный выброс энергии, который с большой вероятностью разорвет в клочья первым делом меня, прижатую к стене в двух шагах от эпицентра. Не вариант.

В ухе дико орал Кирилл, его голос был сдавленным от ужаса: — Рита! РИТА! ДАТЧИКИ ЗАМЕТИЛИ НЕЧТО НА ТВОЕМ УРОВНЕ! ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВСПЛЕСК! ОТВЕТЬ! ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ?! Его крик был последней ниточкой к внешнему миру, и она оборвалась в следующее мгновение. Демон — Велиал — легким, почти небрежным движением вытащил из моего уха гарнитуру. Он поднес хрупкое устройство к своим аметистовым глазам, слегка покрутил, и оно рассыпалось в мелкую серую пыль у него в пальцах.

— Надоедливый шум, — произнес он с легкой брезгливостью. — А за твоим дружком скоро придут. Не переживай.

Паника, холодная и острая, сменилась яростной, белой злостью. Унижение от его прикосновения пылало на коже позорным клеймом.

— Не трогай меня! — вырвалось у меня хриплым, сдавленным голосом.

Он отклонился назад, делая преувеличенно удивленное лицо. Его пальцы все еще лежали на моем бедре, жгли сквозь ткань.

— Ууу, а что, златовласка? — он наклонился снова, его губы почти касались моей шеи. Дыхание было обжигающе горячим и пахло дорогим коньяком и чем-то древним, как пыль между звезд. — Испугалась? Или... возбудилась? Часто так бывает. Страх и желание — близнецы-братья.

В голове, отбросив все планы и сложности, осталась единственная, примитивная и четкая мысль, выкованная в сотнях уличных драк: вывернуться, дать в пах и бежать. Хоть через тот аварийный люк, хоть в ад, хоть в сгнившее ядро нейтронной звезды. Лишь бы прочь отсюда. Лишь бы вырваться из-под этого унижительного, всесокрушающего контроля.

Его рука лежала на мне. Его внимание, пусть и садистское, было приковано ко мне. А значит, он был в пределах досягаемости. В его глазах я читала не настороженность, а наслаждение от игры. Он недооценивал «златовласку». И это был его первый промах.

Я сделала вид, что обмякла окончательно, позволив голове бессильно упасть на грудь. Мое дыхание стало прерывистым, похожим на рыдания. Я ждала. Ждала, пока его пальцы ослабят хватку хоть на миллиметр, пока он перестанет так пристально следить за напряжением в моих плечах. Он сделал промах, он думал, что сломал. Думал, что в его власти осталось только ждать слез или мольбы. Он не видел, как в глубине моих прикрытых глаз закипала сталь.

Его пальцы все еще лежали на мне, но хватка невидимой силы, прижимавшей к стене, на миг дрогнула – возможно, от его собственного наслаждения моментом. Этого мига хватило.

Я не стала вырываться. Я использовала то, что было дано. Слишком расслабленное тело внезапно взорвалось движением. Резко оттолкнувшись от стены и согнув колено, я со всей силы, с точностью рассчитанного удара, всадила пятку кроссовка ему в пах.

Промaxedнуться было невозможно. Я почувствовала контакт, жесткий и точный. На его лице мелькнуло не столько выражение боли, сколько чистой, безмолвной неожиданности. Он даже не вскрикнул. Воздух с силой вышел из его легких со звуком «уфф», а невидимые тиски, державшие меня, на мгновение исчезли.

Я не ждала, пока он опомнится. Падая от толчка, я сгруппировалась и сделала первое сальто назад, откатываясь к центру комнаты. Пол упруго принял удар, и я, не касаясь его руками, оттолкнулась ногами во второе сальто, уже боком, увеличивая дистанцию. Его рука метнулась, чтобы схватить пустоту там, где я была секунду назад. В воздухе запахло озоном и яростью. Третье движение было не сальто, а резкий кувырок через плечо прямо к самому краю мерцающего обсидианового кольца портала.

Я приземлилась на одно колено, ладонь уперлась в холодный пол в сантиметре от мембраны. Голова кружилась от адреналина и резких движений. Я подняла взгляд. Велиал стоял, слегка согнувшись. На его безупречно красивом лице не было ни боли, ни злобы. Было... оживление. Как у игрока, который наконец-то получил достойный ответ. Его аметистовые глаза горели холодным, хищным интересом.

— Ого, — выдохнул он, и в его голосе снова зазвучала та же сладость, но теперь с примесью уважения. — Вот это сюрприз. Куда же ты, зайка?

Моя рука уже потянулась к декодеру, все еще валявшемуся у основания портала. Нужно было отключить стабилизацию и прыгнуть в хаотичный поток, пока он не восстановил контроль. Это был прыжок в неизвестность, возможно, в смерть.

Его пальцы уже сжимались, готовясь восстановить хватку, которая раздавит мои кости. У меня не было времени на раздумья. Я швырнула в его сторону флакон с «Туманной пеленой», не надеясь ослепить, а лишь чтобы на секунду занять его внимание облаком искрящейся мглы. Одновременно я вонзила пальцы в интерфейс портала и рванула поток своей силы на себя. Стабилизация рухнула.

Портал взревел, превратившись в бурлящий вихрь. Я видела, как Велиал, отбросив пелену взмахом руки, сделал шаг вперед, его рука уже тянулась сквозь хаос, чтобы схватить меня.

Я прыгнула не в вихрь, а в само основание кольца, в точку, где сходились энергетические каналы. В момент коллапса, когда все защиты дрогнули, я направила весь остаток своей силы не на бегство *от*, а на импульс *внутрь* — в аварийный сток, в канализацию пространства, ведущую в самые низы и я провалилась в черный, липкий поток небытия.

Падение казалось вечным. Давление выворачивало внутренности наизнанку, жар сменялся леденящим холодом, а в ушах стоял не рев, а тихий, пронзительный визг проклятых душ. Потом — удар.

Я рухнула во что-то мягкое, влажное и отвратительно вонючее. Воздух вырвался из легких с хрипом. Я лежала, не в силах пошевелиться, уставившись в багровое, вечно сумеречное небо, по которому ползли клубы едкого, желтоватого дыма. Запах ударил в ноздри, знакомый и ненавистный: сера, гниющая плоть, испражнения, сладковатая вонь разлагающейся надежды и едкий дух отчаяния.

Голоса. Не гомон, а гнусавый, хриплый ропот, перемежаемый визгами, торгашескими выкриками и скрежетом металла. Я медленно, с болью повернула голову. Я лежала в куче каких-то отбросов на краю... базара. Но не земного. Это был адский торг. Точнее, один из бесчисленных рыночных кварталов в нижних кругах. Впереди тянулись шаткие лотки и прилавки из черного, потрескавшегося камня и ржавого железа. На них торговали тем, что можно найти в Аду: склянками с слезами грешников, пучками нервов, вырванных у трусов, скрипящими механизмами, работающими на боли, кристаллами, в которых застыли крошечные души. Покупателями и продавцами были демоны помельче — тощие, покрытые чешуей или язвами твари, полупрозрачные тени, существа с козлиными ногами и горящими глазами. Воздух дрожал от жара и злобы.

Я была в Аду. Аварийный сброс выкинул меня не просто в другой мир. Он швырнул меня в самое пекло, прямоком в один из его торговых кругов. Из груди вырвался хриплый, почти безумный смешок, который тут же перешел в приступ кашля от едкого воздуха. Я была жива. Я вырвалась прямо из логова Князя и упала прямоком в его вотчину. В самое сердце его владений.

В ушах, поверх рыночного гама, словно отголосок, стоял его бархатный голос: «*За тобой скоро придут*».

Он не соврал. Они уже были здесь. Везде. Мне нужно было встать. Нужно было двигаться. Прятаться. Но тело не слушалось, а разум цеплялся за одну горькую иронию: чтобы сбежать от демона, я прыгнула прямо в его ад.

Глава 3. Адское приключение

Больше всего сил ушло на этот безумный прыжок. Я чувствовала, как внутри все опустошено, выжжено дотла. Даже та родная энергия, что всегда теплилась в глубине, казалась теперь слабым, затухающим угольком. Я подняла прядь волос — золото потускнело, стало больше похоже на грязную солому. Хорошо. Менее заметно.

Дрожащими руками я стащила с ближайшего лотка, длинный, рваный плащ из грубой, темной ткани, пахнувшей пылью и потом. Накинула, капюшон натянула на голову. Теперь я была просто еще одной тенью среди теней.

Мой мозг, сквозь туман усталости и боли, цеплялся за единственную якорную точку в этом аду. Лиана. Демоница-полукровка, торговка информацией и нелегальными переходами. Мы пересекались пару раз на Земле. Она была из тех, кто мог совать нос в дела Князей и выходить сухой, обладая даром оставаться нужной всем и никому не преданной. Если кто и знал здесь безопасный путь назад, на Землю, или хотя бы в нейтральную зону, то она.

Ее логово, если оно не поменялось, должно было быть где-то здесь, в лабиринте трущоб за главным рынком. Там, где кончается патрулируемая территория и начинается анархия мелких кланов и воровских притонов.

Я двинулась, прижимаясь к стенам из черного, пористого камня. Избегала главных улиц, где маршировали патрули — здоровенные, закованные в ржавую броню твари с плетью из живого огня. Нырjala в вонючие переулки, где в сточных канавах копошилось нечто мелкое и зубастое, пролезала под полуразрушенными арками. Ад был шумным, грязным и бесконечно враждебным. Каждый взгляд, брошенный на меня из-под капюшона, ощущался как пощечина. Я была здесь чужой вдвойне — не демон и явно не душа грешника. Ходячая. Диковинка. И уязвимая мишень.

Наконец, в глухом тупике, заваленном костями непонятного происхождения, я увидела знакомую метку — три косые царапины на камне, образующие подобие листа. Знак Лианы. Рядом — неприметная дверь из темного дерева, испещренная такими же царапинами.

Я постучала. Не ждала. Просто надеялась.

За дверью наступила тишина, а потом раздался скрип засова. Она приоткрылась на цепочку. В щели блеснул узкий, вертикальный зрачок в янтарной радужке.

— Кто? — голос был низким, сиплым. — Тень из прошлого, Лиана, — прошептала я, откидывая капюшон ровно настолько, чтобы она могла разглядеть мое лицо. — Мне нужен выход. Я заплачу.

Зрачок сузился. Дверь захлопнулась, и на мгновение у меня похолодело внутри, но потом раздался звук снимаемой цепочки, и дверь распахнулась.

— Быстро. Пока соседи не нанюхались, — прошипела демоница, втягивая меня внутрь и тут же захлопывая дверь.

Лиана втянула меня в полумрак своего логова. Воздух внутри пах сушеными травами, пергаментом и чем-то металлическим, возможно, кровью. И прежде чем я успела что-то сказать, она обхватила меня руками в жестком, коротком объятии — не дружеском, а скорее оценивающим, проверяющим на прочность.

— Рита! Какого дьявола ты здесь? — она отшатнулась, держа меня на расстоянии вытянутой руки, ее янтарные глаза выхватывали каждую деталь моего вида: потускневшие волосы, рваный плащ, вероятно, следы копоты и усталости на лице. — Сейчас не самое спокойное время в аду! По всем кругам шепчутся, что у Велиала неприятности в «ОкоМира». Он мечет громы и молнии, ищет кого-то. Это... это не ты ли?

Она смотрела на меня с таким смешанным выражением ужаса и восхищения, что у меня внутри все сжалось. Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Горло пересохло.

— Не просто неприятности, — хрипло выдохнула я, откидывая капюшон полностью. — Он... он почти поймал. Я вшивала закладку в его портал, и он... появился. Стоял, смотрел. Как будто ждал.

Лиана присвистнула тихо, почти беззвучно. — Прямо в его логове? Дерзко. Глупо. Но дерзко. И что, просто смотрел?

Я закусила губу, чувствуя, как по спине пробегают мурашки от воспоминания. — Не совсем. Прижал к стене. А потом... — я замолчала, с трудом подбирая слова. — Облапал. Извращенец. Сказал... что аппетитно.

На лице Лианы исчезли последние следы любопытства, осталась только холодная, расчетливая серьезность. Она отступила на шаг, скрестив руки на груди. — Ох, Рита. Ох, черт. Ты не просто нарушила его границы. Ты его лично... заинтересовала. Не как врага. Как игрушку. Или трофей. Так ведут себя только когда не планируют убивать сразу. Когда хотят поиграть. Это в тысячу раз хуже.

Она провела рукой по своим темным, спутанным волосам. — Он сказал что-нибудь еще? Перед тем как ты сбежала?

— Сказал, что за мной скоро придут, — прошептала я, оглядывая тесную, заваленную хламом комнату в поисках выхода, которого не было.

— Придут, — мрачно подтвердила Лиана. — Уже ищут. По всем кругам. Ты прыгнула в аварийный сброс, да? Тебя выкинуло сюда. И теперь ты у меня. Что, черт возьми, ты от меня хочешь, Рита? Дорогу назад? На Землю? Велиал уже наверняка перекрыл все легальные и полулегальные каналы с твоей сигнатурой. А нелегальные... — она горько усмехнулась. — За тебя сейчас дадут такую награду, что любой проводник с радостью сдаст тебя за полцены.

— Значит, нужен такой проводник, который не заинтересован в награде, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — Или который боится чего-то большего, чем гнев Велиала.

Лиана замерла. Ее зрачки сузились в тонкие щелочки. — Например? — Например, того, что я знаю, кто нанял меня лезть в портал Велиала. И что у меня есть доказательства, которые всплывут, если со мной что-то случится. Я не пешка, Лиана. Я — живая мина. И тот, кто меня укрывает... получает не просто проблему. Он получает рычаг. Против «верхушки».

Демоница долго смотрела на меня, ее лицо было непроницаемой маской. Потом она тяжело вздохнула. — Черт тебя дери, Рита. Черт тебя дери и твою ходячую живучесть. Ладно. Есть один путь. Грязный, опасный и ведущий не на Землю. В Забвенные Пустоши. Нейтральная территория на краю всего. Оттуда... потом видно будет. Но чтобы добраться до переправы, нужно пройти через Ползучие Топи. А там... там своя охрана. И свои правила.

— Я готова на все, — сказала я без колебаний. Лучше топи, чем лапы Велиала.

— Тогда слушай, — Лиана наклонилась ближе, и ее голос стал тише шепота. — И запомняй. У нас есть всего несколько часов, пока ищут по всем борделям и тавернам. Мне нужно кое-что достать для пропуска. А ты... постарайся не умирать. Пока я здесь.

— Да, хорошо, — кивнула я, понимая, что другого выбора все равно нет.

Лиана, бросив на меня последний оценивающий взгляд, скользнула за занавесь в глубине комнаты. Я слышала, как щелкнул замок, и ее шаги затихли где-то в тайном ходе. Я осталась одна в ее логове — тесном пространстве, заваленном свитками, склянками, сушеными тварями и деталями непонятных механизмов.

Тишина давила, становясь почти осязаемой после рыночного гама. Адский воздух, хоть и пропущенный через какие-то фильтры в стенах, все равно был тяжелым и обжигающим. Я стянула ворованный плащ, села на грубую кожаную подстилку в углу и попыталась сосредоточиться.

Нужно было оценить ресурсы. Я закрыла глаза, пытаюсь заглянуть внутрь себя, туда, где всегда теплился родной, золотистый свет моей силы — сила ходячей, дар открывать и закрывать пути.

Там была пустота. Глухая, темная и холодная. Лишь слабые, потухшие искры, как пепел после костра. На стабилизацию портала, на тот отчаянный прыжок в аварийный сброс ушло все. Каждый дюйм, каждый атом. Нет, на портал не хватит. Я не смогу открыть даже крошечную, безопасную щель, чтобы просто подышать воздухом не-ада. Я была выключена. Беспомощна, как никогда.

Паника, холодная и липкая, попыталась подняться по горлу. Я сглотнула ее, стиснув зубы. Паника сейчас — роскошь. Роскошь, которая ведет напрямик в лапы к Велиалу или в кишки какого-нибудь базарного хищника.

Я открыла глаза и осмотрела комнату уже не как укрытие, а как арсенал. Что тут могло сойти за оружие? Склянки — возможно, с кислотами или ядами. Костяные инструменты — острые, но хрупкие. Свитки — бесполезно, если только не швырять их в лицо.

Мои пальцы нащупали на поясе пустую сумку. Инструменты остались в комнате с порталом. Остался только кристалл-талисман на шее, да и тот потускнел, его едва уловимое свечение было призрачным, как воспоминание.

Я заставила себя дышать глубже. Силы нет. Значит, придется полагаться на другое. На инстинкты. На знание улиц — любых улиц, даже адских. На свое «кукольное» лицо, которое сейчас, в потускневших волосах и под слоем грязи, должно было выглядеть максимально безобидно. И на обещание Лиане. На тот самый рычаг против «верхушки».

Я не была пешкой. Я была миной. И если уж мне суждено взорваться, то я уташу с собой на тот свет кого-нибудь значительного. Эта мысль, жестокая и ясная, придала мне тень былой твердости.

Я встала, подошла к щели в ставне, закрывавшей крошечное оконце. Смотрела на вечные сумерки базара, на мелькающие в них уродливые силуэты. Где-то там меня искали. А я ждала в темноте, экономя последние силы, готовясь к следующему прыжку. Уже не через порталы. Через топи, пропуски и интриги демоницы, которой я, возможно, уже стала обузой.

Но это был путь. Единственный из оставшихся.

Голоса за дверью прозвучали неожиданно громко, прорезав тягучий гул базара. Грубые, хриплые, лишенные всяких нюансов.

— ...и чтобы каждая тварь с неправильной аурой была доставлена! Сам Князь требует!

— А награда-то какая, говоришь? За ходячую?

Я застыла у щели в ставне, не дыша. За стеклом, замутненным грязью и копотью, мелькнули два массивных силуэта в рваных плащах поверх ржавых доспехов. Не патруль главных улиц. Это были ищейки — низшие демоны-надзиратели, обладавшие нюхом на чужеродную магию. И один из них... Черт, он был почти в упор! Его морда, похожая на помесь кабана и ящерицы, повернулась, и свиные, красные глаза, казалось, скользнули прямо по затемненному оконцу.

Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди. Я отшатнулась от окна одним резким, тихим движением, прижимаясь спиной к холодной каменной стене. Пыль с поверхности осыпалась мне за воротник. Я зажмурилась, мысленно выстраивая между собой и внешним миром стену из тишины и небытия. *«Я — тень. Я — пыль. Здесь никого нет».*

Шаги замедлились прямо за дверью. Послышалось тяжелое сопение, втягивание воздуха.

— Чуешь? — прорычал один голос.

Мои пальцы судорожно сжали край плаща. Готова была к прыжку, к удару, к чему угодно, но сил не было даже на это.

— Чую серу да гниль, как везде, — отозвался второй, более лениво. — Идиот, тут же весь квартал воняет. Пошли, еще двадцать лавок обыскать нужно.

Раздался недовольный хрюкающий звук, но шаги, к моему невероятному облегчению, зашлепали дальше, растворяясь в общем гаме. Я выдохнула и воздух вышел дрожащим, прерывистым свистом. Ноги подкосились, и я медленно сползла по стене на пол. Адреналин отсту-

пал, оставляя после себя леденящую слабость и понимание: они уже здесь. В этом квартале. Ищут по всем норам.

Каждая секунда ожидания Лианы становилась пыткой. Что, если ее уже схватили? Что, если она решит, что сдача меня — более выгодный вариант? Я вглядывалась в полумрак комнаты, пытаюсь найти что-то, что могло бы послужить оружием в последней, отчаянной схватке. Острые когти страха впивались в горло, но я снова сглотнула его. Страх не открывал порталов. Не вел через топи. Он лишь привлекал внимание существ, которые чувствуют его за версту.

Я подтянула колени к груди, обхватив их руками, и уставилась в ту сторону, где скрылась Лиана. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что ее расчетливость окажется сильнее страха перед Князем. А моя живучесть — сильнее всей этой адской кутерьмы.

Сердце все еще бешено колотилось от недавней опасности, но любопытство, та самая чертовщина, что часто губит кошек и ходячих, заставило меня снова подкрасться к щели в ставне. Осторожно, чтобы не шевельнуть пыль на подоконнике, я прильнула к мутному стеклу. Базарный гул внезапно сменился нарастающим гулом — не страха, а какого-то приглушенного, подбострастного возбуждения. Толпа на узкой улочке перед домом Лианы расступилась, как вода перед носом корабля.

Сначала пронеслись они — всадники на адских конях. Чудовища с кожей, как потрескавшаяся лава, и глазами, пылающими холодным зеленым огнем. На спинах — стражи в черной, отливающей масляными красками латах, с длинными, изогнутыми пиками. Они проехали строем, очищая путь.

А за ними... шел он.

Велиал.

Он не ехал. Он шел неспешной, уверенной походкой хозяина, который знает, что каждая пядь земли под его ногами принадлежит ему. Толпа замирала, склоняла головы, некоторые падали ниц. Белые волосы, казалось, светились в адских сумерках своим собственным, холодным светом. Обтягивающая футболка и кожаные брюки выглядели на нем здесь, среди лохмотьев и ржавчины, еще более вызывающе, еще более чуждо и могущественно. Он был гвоздем в этом гниющем теле ада. И он был чертовски красив. Нечеловечески, пугающе красив. Линии его лица, полные губы, изгиб бровей — все было выточено с безупречной, ледяной гармонией. Он обводил толпу темно-аметистовым взглядом, и этот взгляд, казалось, видел не лица, а счета, долги, слабости. Он улыбался. Легкой, игривой улыбкой, которая не сулила ничего хорошего.

Он прошел в десяти метрах от окна. Я затаила дыхание, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки — не от страха даже, а от осознания той абсолютной, всепоглощающей силы, что от него исходила. Это была не грубая мощь. Это была власть. Древняя, как сам грех, и столь же неотвратимая.

Он скрылся из виду за поворотом, сопровождаемый своим черным эскортом. Гул постепенно вернулся, но теперь в нем чувствовалась тревожная, приглушенная нота.

Я отшатнулась от окна, прислонившись спиной к стене.

— Мда, — прошептала я в тишину комнаты, и хриплый, почти беззвучный смешок вырвался у меня из горла. — Ну хоть умру от красивой руки.

Это была горькая, отчаянная шутка, но в ней была капля правды. На фоне всей этой уродливой, вонючей жестокости ада, его красота была, как лезвие бритвы — смертоносной, но совершенной. Я закрыла глаза, пытаюсь стряхнуть с себя это гипнотическое впечатление. Красота не делала его менее опасным. Скорее, наоборот. Шаги в потайном ходе за стеной заставили меня вздрогнуть. Я метнулась в сторону, зажав в руке первую попавшуюся тяжелую склянку — на случай, если это не Лиана. Дверь приоткрылась, и в щели мелькнуло знакомое янтарное око.

— Ты еще жива? — прошипела Лиана, протискиваясь внутрь. Ее взгляд скользнул по моему лицу, и она тут же нахмурилась. — Что случилось? Ты видела что-то?

— Видела, — кивнула я, опуская импровизированное оружие. — Его. Он здесь. Лично.

Лиана замерла на секунду, ее лицо стало каменным. — Тогда нам конец. Если он сам здесь, значит, ты для него больше, чем досадная помеха. Значит, он уже вычислил район. У нас нет часов, Рита. У нас есть минуты. Держи.

Она швырнула мне в руки сверток из грубой ткани. Внутри лежал странный амулет — кривой клык, оправленный в тусклое железо, и маленький мешочек, пахнувший болотной тиной и полынью.

— Это пропуск через топи и отвар, который на час сделает тебя невкусной для местной живности. Не спрашивай, из чего он. Действуй быстро. Выход через мою спальню, люк в полу ведет в старую сточную канаву. Иди по ней на восток, пока не упруешься в красный камень. Оттуда — на север, к смрадным испарениям. Это и есть топи. Надевай амулет на шею и не снимай. И помни — если почувствуешь, что за тобой идут, не оглядывайся. Беги. Даже если услышишь мой голос.

— А ты? — спросила я, чувствуя, как холодок пробегает по коже.

— Я задержу их. У меня есть... аргументы. И долги, которые можно предъявить. А теперь вали! — она резко толкнула меня в сторону занавеси.

Я посмотрела на нее в последний раз, на ее жесткое, решительное лицо. Не было времени на благодарности.

— Не попадайся, — только и сказала я, прежде чем нырнуть в темноту за ней, сжимая в руке пропуск в еще один, на этот раз буквальный, ад.

Путь через Ползучие Топи был кошмаром, который затмевал даже адский базар. Воздух был густым, как кисель, и пропитанным ядовитыми испарениями. Под ногами чавкало и шевелилось, пытаясь затянуть в липкую, живую трясину. Тени, издававшие булькающие звуки, скользили по краю зрения. Амулет на шее пылал ледяным холодом, отгоняя худшее, но не спасая от удушающего страха и полного истощения.

Я бежала, спотыкаясь, падая в едкую жижу и снова поднимаясь, ориентируясь лишь по зловонному ветру и внутреннему чутью ходячей, которое тихо шептало: *«Туда. Выход там»*.

Наконец, смрадные испарения стали рассеиваться. Впереди, в вечных сумерках этого круга, показалась высокая, треснувшая каменная арка, поросшая черным мхом. За ней зияла не тьма, а мерцающее, статичное серое сияние — Разлом. Нестабильный, дикий проход.

Сердце заколотилось надеждой. Последние силы я выжала в рывке, преодолевая последние метры каменистой, безжизненной земли. Я влетела под сень арки, почувствовав на коже ледяное дыхание иного пространства. Еще шаг. Еще один.

Я была близка. Рука уже тянулась к серой пелене Разлома.

И тут инстинкт, древний и острый, как коготь, заставил меня замедлиться. Тишина. Слишком глубокая тишина после булькающего ада топей. Я заставила себя оглянуться через плечо, сканируя мертвую равнину позади. Никого. Только камни, да клубящийся вдалеке ядовитый туман. Облегчение, сладкое и головокружительное, хлынуло на меня. Я выиграла. Вырвалась.

Я повернулась лицом к Разлому, готовясь сделать последний шаг.

И замерла.

Он стоял там, где секунду назад была лишь пустота. Прислонившись к внутренней стороне каменной арки, всего в паре метров от меня, вальяжно скрестив руки на груди. Белые волосы были безупречны, на обтягивающей футболке не было ни пятнышка грязи от топей. Он смотрел на меня своими темно-аметистовыми глазами, и в них плескалось тихое, бездонное веселье.

— М-м, златовласка... — его бархатный голос прозвучал так, будто он комментировал удачный ход в шахматах. — В догонялки поиграли. Судя по всему... я выиграл.

Я слотнула. В горле стоял ком, и это был не страх. Это была горечь. Горечь от понимания, что все — бегство, интриги, борьба — было всего лишь игрой для него. Предсказуемой,

управляемой игрой, где он всегда был на шаг впереди. Воздух вокруг сгустился, стал вязким, как патока. Даже повернуть голову к спасительному Разлому стоило невероятных усилий. Он не просто нашел меня. Он ждал. На финише.

Я молчала, чувствуя, как последние капли сил покидают меня, но внутри, под грузом поражения, тлела одна-единственная искра. Он выиграл гонку. Но игра еще не кончена. Пока я дышу — нет.

Я сделала шаг назад, не сводя с него взгляда. Моя спина почти касалась мерцающей пелены Разлома, от него веяло леденящим холодом небытия. Еще шаг. Я оказалась ровно на грани — передо мной Велиал, за спиной — дикий, непредсказуемый выход в никуда.

— Ну куда же ты... — он покачал головой, делая легкое, разочарованное движение рукой. Улыбка не сходила с его лица, но в аметистовых глазах не было ни капли тепла. — Я, может, просто побеседовать хотел. Без... лишних свидетелей.

Его голос был ласковым, почти заискивающим, но каждый слог ложился на кожу тяжелым, ядовитым маслом. «Побеседовать». Словно мы старые знакомые, встретившиеся за чашкой кофе, а не охотник и загнанная добыча на краю геенны огненной. Я не ответила. Мозг лихорадочно работал, оценивая расстояние, его расслабленную позу, блики на серой пелене за моей спиной. Прыжок в Разлом был самоубийством, но остаться здесь... «Беседа» с Велиалом могла оказаться куда более долгой и мучительной смертью.

Он сделал неторопливый шаг вперед, сокращая дистанцию. Пространство вокруг него слегка искривилось, как от жары. **
** — Ты оставила у меня такой... беспорядок, — продолжал он с притворным укором. — И пропажу. Очень ценную пропажу. Такие вещи просто так не прощают. Но ты... ты интересная. Живая. Настоящая. Не как эти хнычущие, дрожащие маленькие души. Мне такие нравятся.

Еще шаг. Теперь он был достаточно близко, чтобы дотянуться. Я почувствовала, как моя воля, моя способность двигаться, начинает замедляться под воздействием его невысказанной команды. Он не просто говорил. Он *убеждал* реальность вокруг меня подчиниться.

— Дай угадаю, — прошептала я, и мой голос прозвучал хрипло, но почти спокойно. — Твоя «беседа» будет включать в себя вопросы, на которые я не захочу отвечать, и... убедительные методы, чтобы я передумала.

Он рассмеялся. Звук был красивым и пугающим. **
** — О, ты умная. Я это ценю. Но не бойся. Я не собираюсь тебя ломать. Зачем портить такую изящную вещь? Я хочу... предложить сделку.

Сделка. Самое опасное слово в его устах. Я снова отступила на полшага. Пятка уже почти касалась нестабильной границы Разлома. Холод пронизывал ногу через тонкую подошву кроссовка.

— У меня нет ничего, что тебе было бы нужно, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

— Ошибаешься, — он мягко поправил меня, и его взгляд скользнул по моему лицу, волосам, кристаллу на шее. — У тебя есть *ты*. И знания. И тот, кто нанял тебя лезть в мой дом. Мне нужны имена. А тебе... тебе нужна жизнь. И, возможно, немного больше. Я щедр к тем, кто меня развлекает.

Он протянул руку, не чтобы схватить, а как бы предлагая помочь. **
** — Отойди от этой дыры, златовласка. Она тебя съест, и будет жаль. Давай поговорим, как цивилизованные существа.

Цивилизованные. Прямо здесь, на краю ада. Ирония была настолько чудовищной, что внутри что-то надломилось. Не страх. Злость. Та самая, что заставила меня дать ему в пах.

Я посмотрела на его протянутую руку. На безупречное, красивое лицо. На серую пульсирующую бездну у себя за спиной.

У меня не было сил на портал. Не было сил на бой. Но выбор... выбор у меня еще был. Между долгой, изощренной игрой в кошки-мышки с Князем Обмана и быстрым, чистым прыжком в неизвестность.

Я сделала глубокий вдох, в последний раз ощущая адский, отравленный воздух в легких.

— Знаешь что, Велиал? — сказала я, и на моих губах появилась кривая, почти такая же безумная улыбка, как у него. — Я пас.

И, не дав ему опомниться, я оттолкнулась назад — не в его сторону, а в холодную, беззвучную пустоту серого сияния. Меня выплюнуло. Не плавно, а с силой, будто негодный кусок, который не переварился. Я ударилась о что-то твердое и закатилась в мелкую, холодную пыль. Лежала, не дыша, чувствуя, как каждый мускул кричит от боли, а внутренности все еще перекручены после прыжка через нестабильный Разлом.

Потом сделала первый, осторожный вдох.

Воздух был... другим. Не таким густым и отравленным, как в базарном круге. Он был разреженным, холодным, со странным привкусом пепла и остывшего металла, но главное — в нем не было той удушающей, inferнальной тяжести, той вечной ноты отчаяния. Здесь было пусто. Безжизненно. Как в огромном, заброшенном ангаре, который стоит уже миллионы лет.

Я приподнялась на локтях и огляделась. Я лежала на плато из черного, гладкого, как стекло, камня. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись такие же пустынные равнины, уходящие к горизонту, где висело багровое, тусклое светило, больше похожее на умирающий уголь, чем на солнце. Небо было цвета темной меди. Ни деревьев, ни построек, ни признаков хоть какой-то жизни. Только камни, пыль и тишина, настолько полная, что в ушах начинало звенеть.

Ад. Но другой его круг. Глухой. Зброшенный. Пограничный.

Слабый, хриплый смешок вырвался у меня из груди. — Мда... Я еще в аду.

Но даже эта мысль не вызвала отчаяния. Напротив. По сравнению с базаром, с топями, с самим Велиалом, это место казалось... почти спокойным. Пусть безрадостным, пусть мертвым, но здесь не было ни демонов, ни стражников, ни этого вечного, гнетущего ощущения, что за тобой наблюдают.

Я медленно, с стоном, поднялась на ноги. Тело гудело, но держалось. Кристалл на шее был холодным и безжизненным. Силы не вернулись, но и не стало хуже. Я была просто пустой скорлупой в огромной, безмолвной пустоши.

— Ну ладно, — прошептала я в тишину, и мой голос прозвучал неожиданно громко. — Хотя не разложилась на атомы.

Это была маленькая победа. Победа беглеца, который выбрал неволю у самого опасного тюремщика, а свободу в самой унылой тюрьме. Но свободу.

Я потянула на себе рваный плащ, оглядела горизонт. Нужно было найти укрытие. Источник воды, если он тут вообще был. И, самое главное, сориентироваться. Где я? В каком круге? Есть ли хоть какая-то лазейка отсюда? Хотя бы обратно в тот же базарный круг было бы уже достижением.

Я сделала первый шаг по черному стеклу. Потом второй. Пустошь безмолвно приняла меня, не проявляя ни интереса, ни враждебности. Я была здесь совершенно одна. Начинаясь новый этап. Выживание не вопреки охоте, а вопреки забвению. И я, Маргарита, ходячая, собиралась выжить. Как всегда. Долгие часы блужданий по черному стеклянному плато начали сливаться в однообразную муку. Ноги ныли, в горле першило от пыли и жажды, а багровый уголь на небе, казалось, не двигался вовсе, застыв в вечных сумерках. Я уже начала сомневаться в своем выборе, когда на горизонте появились первые признаки иной жизни.

Сначала это были редкие, чахлые побеги чего-то похожего на черные как сажа колючки, пробивавшиеся через трещины в камне. Потом рельеф сменился — плато стало уходить вниз, превращаясь в пологий склон, покрытый не пылью, а чем-то вроде сухой, потрескавшейся земли серо-лилового цвета. И запах... Запах сменился. Теперь это был не просто пепел, а слож-

ный букет: запах нагретой глины, чего-то кислого, как забродивший сок, и едва уловимый, но знакомый аромат... навоза.

Я остановилась на гребне склона, прищурившись. Внизу, в широкой ложине, раскинулись **поля**. Неровные, кое-как разделенные низкими каменными заборами, засеянные чем-то колосистым и темно-багровым. А среди полей — грубые, приземистые постройки из того же темного камня и глины, с плоскими крышами. Дымок поднимался из нескольких труб.

Поселение. Но не рыночное, не военное. Сельское.

Мысль поразила меня с неожиданной силой: *Интересно, у демонов есть крестьяне?* Казалось бы, в Вечном Огне и Серных Реках не должно быть места для пашни и скота. Но ад, как я уже успела убедиться, был огромен, многослоен и удивительно... логичен в своем устройстве. Кто-то должен был производить пищу. Кто-то должен был обрабатывать эти бесконечные, бесплодные на первый взгляд земли, извлекая из них скудные урожаи.

Я натянула капюшон плаща ниже на лицо, полностью скрыв волосы и периферию зрения. Теперь я была просто фигурой в темном плаще, ничем не примечательной, и двинулась вниз, к поселению, стараясь идти не по тропе, а по краю полей, сливаясь с тенями от низко висящего багрового светила.

Чем ближе я подходила, тем больше деталей замечала. По полям медленно передвигались фигуры, не горделивые стражи и не уродливые базарные торгаши, существа сгорбленные, с грубой, толстой кожей землистых оттенков — бурой, серой, темно-зеленой. Одни копались у корней колосьев каменными мотыгами, другие тащили на горбах тюки с чем-то. У некоторых были рога, у других — хвосты, но все они излучали не злобу или коварство, а усталую, животную покорность и сосредоточенность на своем труде. Адские крестьяне. Картина была настолько сюрреалистичной, что на миг я забыла об опасности.

Я вышла на подобие утоптанной дороги, ведущей к центральной группе построек. Прошла мимо первого строения, похожего на сарай. Изнутри доносилось хриплое, неторопливое мычание и запах теплого, едкого навоза. Никто не обратил на меня внимания. Здесь, на краю владений Велиала, на самой границе этого круга, видимо, редко появлялись чужаки, а если и появлялись, то им было не до любопытства. Мне нужно было найти воду. И, возможно, информацию. Я направилась к самому крупному зданию в центре — грубой постройке с широкими дверями, из которых доносился гул низких голосов и запах чего-то вареного и перебродившего. Похоже на кабачок или общую столовую. Я остановилась у входа, собираясь с духом. Внутри меня все сжалось. Это был риск, но блуждать по пустоши без цели было самоубийством другого рода. Я вдохнула тяжелый, пряный воздух и толкнула дверь.

Дверь подала тихий, скрипучий протест, открываясь внутрь. Я вошла, придерживая полотнище плаща, чтобы не зацепиться, и мгновенно окунулась в атмосферу, плотную, как бульон.

Воздух был теплым, влажным и густым от испарений какого-то крепкого, кисловатого зелья, дыма дешевых ароматических свечей (пахших жжеными костями) и немых демонических тел. Гул голосов — низких, хриплых, бормочущих — был не таким громким, как на базаре, но более основательным. Здесь не торговались, а просто говорили. Об урожае багрового ячменя, о том, что сломалась борона с шипами, о том, как соседнего молодого суккуба уволокли в другое кольцо на "службу".

Я остановилась у входа, давая глазам привыкнуть к полумраку. Помещение было просторным, с грубо сколоченными столами и скамьями. За стойкой из черного дерева стояло массивное существо с кожей, похожей на кору дуба, и тремя парами рук — две вытирали кружки, две что-то резали, одна лежала на столешнице. **Хозяин**. Он бросил на меня беглый, оценивающий взгляд своими маленькими, как бусины, глазами, но не проявил особого интереса. Похоже, оборванные путники здесь не были редкостью.

Похлебывая из глиняных кружек и пережевывая что-то вязкое, сидели те же самые крестьяне, что работали в полях. Их одежда была из грубой, некрашеной ткани, лица — уставшие, покорные судьбе. Никакой inferнальной роскоши, никакой демонической надменности. Просто тяжелая, будничная жизнь на краю ада. Я почувствовала, как мышцы спины чуть расслабились, но пальцы под плащом по-прежнему лежали на рукоятках ножей, спрятанных в жилетке. Я двинулась к стойке, стараясь идти небрежной, усталой походкой, не привлекая лишнего внимания.

— Эй, — хрипло бросила я, опуская голову, чтобы капюшон скрывал лицо. Голос я сделала ниже и грубее. — Что есть выпить? И есть ли тут где... переночевать за труд?

Трехрукий демон-трактирщик медленно перевел на меня взгляд. Он что-то про себя прожевал, потом одной из рук ткнул в сторону бочки с темной, мутной жидкостью.

— Суррогат. За три чешуйки с хвоста. За ночлег — отработаешь. Двор вымести, посуду перемыть. Справишься?

Я кивнула, не глядя ему в глаза. — Справлюсь.

Он хмыкнул, налил в треснувшую кружку зловонную жижу и поставил передо мной. Я взяла кружку, сделала вид, что пригубила, и отошла к самому дальнему, темному углу, спиной к стене. Отсюда был виден и вход, и вся зала.

Я сидела, кутаясь в плащ, и слушала. Обыденность этого ада была почти шокирующей, но где-то среди этих разговоров могла проскользнуть нужная информация — о дорогах, о патрулях, о том, как попасть в другой круг, не привлекая внимания Велиала. А еще... вода. Мне отчаянно нужно было пить, но этот «суррогат» выглядел так, будто мог прожечь горло до дыр.

Я прикидывала, как незаметно спросить о колодце, когда дверь кабака снова распахнулась, но на этот раз не скрипнула, а буквально взлетела с петель от мощного толчка. В проеме, заливаясь багровым светом снаружи, стояли двое. Не крестьяне. Их латы, хоть и потертые, были явно казенного образца. На поясах висели тяжелые, зазубренные клинки. Это были надсмотрщики — низшее звено inferнальной бюрократии, сборщики податей или вербовщики. Их глаза, желтые и бездушные, медленно обшарили комнату.

Тишина упала мгновенно, как нож. Все демоны-крестьяне замерли, уткнувшись в свои кружки.

— Всем не двигаться! — проревел один из них, голосом, привыкшим к повиновению. — Объявляется розыск! Ищем беглянку! Чужеродную! Ходячую! Волосы — светлые! Видели — немедленно докладывать! Утаивание карается расплавлением в озере скорби!

Он вытащил из-за пояса сверток и развернул его. На грубом пергаменте было нарисовано углем лицо. Мое лицо. Пусть и схематично, но узнаваемо. Особенно эти большие глаза и овал.

Ледяная волна прокатилась по моей спине. Пальцы под плащом впились в рукояти ножей до боли. Я не шевельнулась, даже не дыша, слившись с тенью в углу. Капюшон был низко. Плащ — грязный и рваный. Волосы — спрятаны. Я была одной из многих теней в этом темном углу.

Надсмотрщик прошелся взглядом по залу. Его взгляд скользнул по мне, задержался на секунду... и прошел дальше. Он искал яркую, заметную цель. Не сторбленную, закутанную в тряпье фигуру в углу.

— Никто не видел? — рявкнул второй, ударив кулаком по ближайшему столу. Кружки подпрыгнули.

В ответ — молчаливое, испуганное покачивание головами.

— Черт с вами! — первый надсмотрщик свернул пергамент. — Если кто вспомнит — бежать к аванпосту на Красной скале! Награда — освобождение от податей на год!

С этими словами они развернулись и вышли, хлопнув дверью.

В зале выдохнули. Гул голосов возобновился, но теперь в нем слышались страх и любопытство. Я продолжала сидеть неподвижно, но внутри все дрожало от напряжения. Они искали меня здесь. На самой окраине. Значит, Велиал не шутил. Сеть затягивалась.

Я медленно подняла кружку с суррогатом и наконец сделала глоток. Жидкость обожгла горло, но я почти не почувствовала вкуса. В голове стучала одна мысль: ночевать здесь нельзя. Работать во дворе — значит быть на виду. Нужно было уходить. Сейчас. Пока они обыскивают другие хижины.

Я поставила недопитую кружку на стол, бесшумно скользнула со скамьи и, не поднимая глаз, направилась к черному ходу за стойкой, который, как я заметила ранее, вел, скорее всего, в подсобку или на кухню. Трактирщик снова бросил на меня взгляд, но я лишь показала головой на кружку и на дверь, давая понять, что иду "отрабатывать". Он фыркнул и махнул одной из рук — вали, мол.

Я проскользнула в темный, пропахший гнилью и жиром коридор. Здесь не было никого. Впереди виднелся выход на задворки — заваленный пустыми бочками и отбросами двор. И за ним снова пустынная равнина, уходящая в багровые сумерки. Я вышла, вдохнула холодный, пепельный воздух и, не оглядываясь, зашагала прочь от поселения, натянув капюшон еще ниже. Ночь в аду была не намного темнее дня, но она могла стать моим единственным союзником. Нужно было найти укрытие получше. И, может быть, наконец, найти тот самый слабый шов в ткани этого круга, чтобы уйти еще дальше. Подальше от него.

Я шла, пока ноги не стали ватными от усталости, а багровый свет не начал медленно угасать, сменяясь глубокими, лилово-черными сумерками. Впереди, у самого края умирающего поля, показалось строение — длинное, низкое, с покатой крышей, сложенное из неотесанного камня и темного, прессованного тростника. Похоже на сарай или сеновал, если в аду вообще бывает сено. От него тянуло не привычным земным ароматом сухой травы, а резковатым, терпким запахом — смесью плесени, пыли и чего-то отдаленно напоминающего высушенные ядовитые грибы.

Дверь была просто прикрыта, тяжелым куском кожи, снятой с какого-то толстокожего зверя. Я прислушалась. Ни звука, кроме шелеста ветра в щелях и далекого, тоскливого воя какого-то адского зверя. Осторожно отодвинула кожаную полость и скользнула внутрь. Полумрак был почти непроглядным. Воздух стоял спертый, густой от пыли. Когда глаза немного привыкли, я различила грубые деревянные перекрытия, а под ногами — толстый слой какого-то сухого, ломкого субстрата. Не сено, а скорее высушенные стебли тех самых багровых колосьев, перемешанные с чем-то острым и колючим. На противоположном конце виднелась грубая лестница, ведущая наверх, на второй этаж — просторный чердак под самой крышей.

Я поднялась, стараясь не скрипеть ступенями. Здесь было немного просторнее, а в щели под коньком крыши пробивался последний багровый отсвет, выхватывая из тьмы облака медленно кружащейся пыли. Помещение было почти пустым, если не считать нескольких брошенных, рассохшихся корзин и груды старой, истлевшей ткани в углу. Но главное — отсюда, из-под самой кровли, через узкие щели, был виден и вход в сарай, и часть подступающей к нему равнины. Идеальная позиция, чтобы видеть, не будучи увиденной.

Я сбросила с себя рваный плащ, с трудом стянула кроссовки — ноги гудели и были покрыты волдырями. Осмотрелась. Укрытие было примитивным, но безопасным. По крайней мере, на несколько часов. В углу, под самой сухой частью крыши, я расчистила себе место, сгребая жесткий "сенник" в некое подобие гнезда. Укрылась тряпьем из той самой груды — оно пахло пылью и тлением, но было толстым и могло дать хоть какую-то защиту от ночного холода, который уже начинал пробираться сквозь щели.

Я достала из набедренной сумки то немного, что у меня осталось: пустой флакон от "Туманной пелены", несколько золотых монет с Земли (здесь абсолютно бесполезных) и крошачий кусок адского хлеба, стащенный мной в кабаке, когда трактирщик отвернулся. Он

был твердым, как камень, и горьким на вкус, но я отломил кусочек и медленно разжевывала, заставляя сухое крошево пройти в горло. Воды не было. Это была самая острая проблема.

Я устроилась поудобнее, прислонившись спиной к грубой стене, и прислушалась к ночи. Ветер завывал на новый лад — тоскливо и протяжно. Где-то вдали, возможно, в том самом поселении, раздался короткий, злой лай сторожевого пса (или чего похуже), и снова стихло. Тишина, однако, была обманчивой. Где-то там, в этих лиловых сумерках, рыскали надсмотрщики с моим портретом. А высоко в своих чертогах, наверное, взирал на все это Велиал, томно попивая свой коньяк и размышляя, куда же могла закатиться его сбежавшая игрушка. Я закрыла глаза, пытаясь расслабить хотя бы мышцы лица. Тело требовало сна, но разум был на взводе, проигрывая каждый шаг, каждый возможный вариант. Отсюда мне нужно было найти воду. Затем — выяснить, где проходит граница этого круга и как ее пересечь, не попав в лапы к страже или к чему-то пострашнее. Силы мои не возвращались, кристалл на шее был холодным и мертвым. Я была слаба, но я была свободна. И пока я могла дышать, я могла искать путь.

Я стянула с головы грязную тряпку, которой подвязывала волосы под капюшоном, и попыталась расчесать спутанные, потускневшие пряди пальцами. Движения были механическими, успокаивающими. Потом снова натянула капюшон, закуталась в тряпье и прикрыла глаза.

Сон не шел. Но и бодрствование было похоже на легкое забытие. Я видела сквозь приоткрытые веки, как последний багровый луч окончательно гас за горизонтом и в сарае воцарялась абсолютная, беспросветная тьма. Только тогда, в этой полной, давящей черноте, я позволила себе выдохнуть ту дрожь, что копилась внутри весь день. Она прошла по телу короткой, судорожной волной и отступила.

Я была в аду. На сеновале. В полном одиночестве. Но я была жива. И пока это было так, у меня был шанс. Завтра. Завтра я найду воду. Завтра я найду выход.

А пока — тишина, пыль и охраняющий меня мрак.

Глава 4. Шаг

Я задремала ненадолго, провалившись в тяжелый, беспокойный сон без сновидений, где давила лишь абсолютная тишина и чувство преследования. Проснулась резко, от звука, который вонзился в тишину, как лезвие.

Это не был просто топот. Это было глухое, мерное постукивание, умноженное на десятки, сотни копыт. Ритмичное, неумолимое. Оно сотрясало воздух, отдавалось вибрацией в грубых балках подо мной. Конница. Я замерла не дыша в своем гнезде из тряпья и сена. Сердце тут же заколотилось, пытаясь вырваться из грудной клетки. Они не могли быть здесь. Это было слишком далеко от поселения, в глуши. Разве что...

Я медленно, миллиметр за миллиметром, подползла к одной из щелей под крышей, туда, откуда был виден вход и часть равнины.

Их было много. Целый отряд. Не надсмотрщики в потертых латах. Это была регулярная стража Велиала. Всадники в черной, отполированной до зловещего блеска броне, сидящие на адских конях — тварях с кожей, как раскаленный шлак, и глазами, пылающими холодным зеленым огнем. Они двигались не строем, а растянутым полукругом, методично прочесывая местность.

Но самое страшное было не в них. Впереди отряда, на поводках из черной, живой стали, вели существ. Не собак. Нечто более худое, змееобразное, на многочисленных тонких лапах. Их головы были лишены глаз и ушей, только раздувающиеся, пульсирующие ноздри, похожие на черные воронки. Они низко склонялись к земле, к камням, к жухлым стеблям и их ноздри судорожно трепетали, втягивая воздух.

Нюхачи. В прямом смысле.

Ледяная волна прокатилась от копчика до макушки. Они искали не глазами. Они искали по **запаху**. По ауре. По следу, который оставляла моя ходячая, чужеродная для этого мира сущность. Мой прыжок через Разлом, возможно, ослабил его, но не стер полностью. И теперь эти твари, эти дьявольские ищейки, вели их прямо по моему следу. Прямо к этому сеновалу.

Я увидела, как один из нюхачей, тот, что был ближе к сараю, резко задрал свою безликую голову. Его ноздри судорожно сжались, потом расширились. Он издал тонкий, пронзительный свист, от которого по коже побежали мурашки, и рванул вперед, держа поводок, прямо к входу в мое укрытие.

Они вынюхали.

У меня не было ни секунды. Я отползла от щели, метнувшись в самый темный угол на втором этаже. Мой взгляд лихорадочно шарил по помещению. Лестница вниз — верная смерть, они уже у входа. Окна? Их не было, только щели. Крыша? Слишком хлипкая, обвалится подо мной с первым же движением, да и снаружи полно всадников.

Оставалось только одно — вниз, но не через дверь. Я заметила его, когда забиралась наверх — в дальнем углу первого этажа, под самой лестницей, был люк. Погреб? Отхожее место? Неважно. Это был единственный шанс.

Снизу уже слышались грубые голоса, лязг оружия, тяжелые шаги. Кожаная дверь с силой откинулась, ударившись о стену.

— Здесь! След ведет сюда! — проревел кто-то.

Я, не раздумывая больше, перекинула ноги через край лестничного проема и спрыгнула вниз, не используя ступени. Приземлилась на грудку сухого субстрата, смягчив падение перекастом, и мгновенно рванула к темному углу под лестницей. Руками, уже привыкшими к темноте, нащупала грубую деревянную крышку люка. Петли закрипели, когда я потянула ее на себя. Изнури пахло сыростью, плесенью и чем-то кислым.

Я нырнула в черную дыру, успев в последний момент притянуть крышку на себя, но не закрыв ее до конца — не было времени. Я замерла на узкой, скользкой ступеньке, ведущей вниз, в полную, непроглядную темень.

Сверху уже раздавались тяжелые шаги, скрип половиц. Луч адского факела прорезал пыльный воздух над моей головой.

— Наверху никого! — крикнул кто-то. — След... след обрывается здесь! — это был другой голос, более высокий, взволнованный. — Она где-то тут! Ищите! Каждую щель!

Я зажмурилась в темноте, прижимаясь к холодной, влажной стене, молясь всем забытым богам моего павшего мира, чтобы они не заметили этот люк. Чтобы запах сырости и плесени перебил мой собственный. Чтобы эта простая деревянная крышка стала невидимой для их глаз ищущей ненависти.

Я не дышала, вжавшись в холодную, склизкую стену ниши под лестницей. Шаги гулко отдавались над головой, прямо по деревянным доскам, скрывавшим меня. Пыль осыпалась с потолка моего убежища, заставляя щекотать в носу. Я зажмурилась, стиснув зубы, чтобы не чихнуть.

— Черт! — раздался грубый голос почти прямо над крышкой люка. — Нигде! Как сквозь землю провалилась!

Луч факела мелькнул в щели между досками, осветив на мгновение мои замерзшие пальцы, вцепившиеся в каменный выступ. Я зажмурилась еще сильнее, превратившись в статую.

— Может, портал какой открыла? Ходячая же, — предположил другой.

— Здесь никаких следов разрыва. Нюхач говорит — след обрывается тут. Значит, где-то здесь.

Шаги замерли. Мое сердце колотилось так громко, что, казалось, его эхо должно разноситься по всему сараю. Прошла вечность, длиною в несколько ударов сердца. Потом послышался звук — не шагов, а сапога, с силой пнувшего что-то деревянное. Это была крышка люка! Она дернулась, дребезжа, но старая, заевшая петля не поддавалась с первого раза.

Вся кровь отхлынула от лица. Они нашли! Сейчас откроют...

Но удар не повторился. Вместо этого раздался свист — резкий, командный, с улицы.

— Эй, копыта! Бросьте это! Строиться!

Шаги над головой заспешили к выходу. С облегчением, от которого закружилась голова, я услышала, как они покидают сарай, но облегчение было недолгим.

С улицы, сквозь тонкие стены, донесся новый голос. Он был не таким грубым, в нем чувствовалась привычная, леденящая власть. Голос офицера или капитана стражи.

— Бездарные твари! — раздалась отборная, изысканная ругань. — Ищите лучше! Обшарить каждую нору, каждую трещину! Она не могла испариться! Князь Велиал лично приказал доставить ее живой! Он сам будет разбираться с этой... наглой букашкой. Если не найдете — он будет разбираться с вами! Понятно?!

Холодный ужас, более острый, чем страх перед смертью, сдавил горло. Лично. Живой. Это не была просто охота. Это была облава. Велиал не просто хотел вернуть украденное или наказать воришку. Ему нужна была я. Целиком. Для чего-то своего. Для той самой «беседы», от которой мурашки бежали по коже.

Ответом на приказ был нестройный, испуганный ропот и новый виток активности. Но теперь они, казалось, отодвинулись от сарая, сосредоточившись на прочесывании окрестных полей и расщелин.

Я сидела в своей сырой яме, не двигаясь еще долго после того, как звуки конницы и лай нюхачей стали затихать вдали. Тело дрожало от напряжения и холода. Вода. Выход. Теперь все это отошло на второй план. Главным стало одно: они знали, что я где-то здесь и они не уйдут. Они будут кружить, как стервятники, сжимая кольцо.

Крышка люка была почти обнаружена. Остаться здесь — значило ждать, когда их ищейки все-таки учуют мой запах в этом замкнутом пространстве или когда какой-нибудь особо ретивый стражник все-таки решит выломать эту доску.

Мне нужно было уходить. Несмотря на ночь. Несмотря на истощение. Прямо сейчас. Пока они искали в поле, я могла попробовать проскользнуть в другую сторону — в ту самую пустошь, откуда пришла. Или найти другое укрытие.

Я медленно, со скрипом, отодвинула крышку люка на сантиметр, прислушиваясь. Тишина. Только завывание ветра. Подтянулась и, пригнувшись, вылезла наружу. Сарай был пуст. В щели под крышей больше не пробивался багровый свет — наступила настоящая адская ночь, темная, как смоль.

Я натянула капюшон, подобрала с пола свой плащ и, крадучись, как тень, выскользнула через задний проем сарая, который вел не на дорогу, а в глухую, каменистую ложбину.

Конницы не было. Никого. Только ветер, завывавший в каменных расщелинах, да далекий, тоскливый вой какого-то одинокого тваря. Тишина после недавней тревоги была обманчивой, звенящей, почти давящей. Они ушли, но не далеко. Они вернутся. Или пришлют других.

Я стояла в глухой ложбине за сараем, впитывая темноту всеми порами. Сил не было. Тело, каждую мышцу, каждый сустав, пронзала тупая, изматывающая боль. Жажда скрутила горло в тугой, болезненный узел. Но оставаться здесь означало сдаться.

Я закрыла глаза, отбросив все — страх, усталость, жжение в легких. Сосредоточилась на том, что осталось внутри. Не на силе — ее почти не было. На ощущении. На том врожденном, почти животном чутье ходячей, которое чувствует не порталы, а... неровности. Слабости в ткани мира. Места, где швы между реальностями прошиты чуть менее аккуратно.

Я отпустила остатки своей энергии, не пытаясь пробить что-либо, а просто позволив ей растечься тончайшей паутиной, как щупальца слепого червя. Она ползла по камням, по пыли, уходила в холодный воздух, натываясь на мертвую, плотную стену адского бытия.

И тогда... там, на самом краю восприятия, почти за гранью досягаемости, я почувствовала. Не яркий, стабильный шлюз. Даже не трещину, как та, через которую сюда прыгнула. Это было похоже на... пульсацию. Еле уловимую, как сердцебиение крошечного, умирающего зверька. Слабое пятно. Место, где барьер между этим кругом ада и чем-то еще был тоньше, дышало. Оно было далеко. Очень далеко.

Черт.

Но выбора не было. Другого пятна, другой слабости я не чувствовала. Идти обратно к поселению или в сторону, откуда пришла конница — самоубийство. Оставался только этот призрачный, едва уловимый шанс на краю света.

Я открыла глаза. В темноте они, казалось, видели чуть лучше. Я определила направление — туда, откуда шла эта слабая, отдаленная вибрация. Сделала первый шаг. Потом второй. Ноги были тяжелыми, как свинцовые колодки. Каждый камешек под ногами казался валуном. Я шла, почти не видя пути, ориентируясь лишь на внутренний компас, на ту точечную, почти воображаемую цель. Я пила воздух, но он не утолял жажду, только обжигал легкие.

Прошли часы. Багровый уголь на небе начал медленно выползать из-за горизонта, окрашивая пустошь в кроваво-лиловые тона. Я шла, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь. Руки, засунутые в карманы плаща, нащупывали последнюю крошку адского хлеба — я медленно рассасывала ее, пытаясь обмануть организм.

Мысли уплывали, цепляясь лишь за одно: идти. Не думать о Велиале. Не думать о погоне. Не думать о том, что будет, если сил не хватит дойти. Просто ставить одну ногу перед другой. Следить за слабым, как уголек под пеплом, ощущением вдалеке. Иногда мне казалось, что оно слабеет, и отчаяние, черное и липкое, пыталось заполнить меня. Тогда я останавливалась, закрывала глаза, снова пыталась «нащупать» его. И каждый раз, с облегчением, ловила тот же

слабый, но стабильный пульс. Он был моей единственной путеводной звездой в этом безрадостном, бескрайнем аду.

Я не знала, куда он ведет. Может, в еще более ужасный круг. Может, в ловушку. А может, в нейтральную полосу, в забвение, но это был путь. И пока я могла двигаться, я шла по нему, потому что остановиться — означало сдаться. А сдаваться я не собиралась. Ни Велиалу, ни аду, никому.

Багровое светило поднялось выше, отливая пустошь зловещим медным блеском. Ноги уже почти не слушались, превратившись в две одеревеневшие колоды, которые я волочила за собой по инерции. Но пейзаж начал меняться. Ровная каменная равнина сменилась холмистой местностью, покрытой не пылью, а чем-то вроде сухого, серо-лилового лишайника. А потом появились и первые деревья.

Сначала это были редкие, чахлые, похожие на скрюченные черные кости, кустарники. Потом они стали выше, гуще, у них появились узкие, похожие на длинные иглы листья цвета окисленной крови. Лес. Неприветливый, мертвенный, но все же лес. Он тянулся передо мной, становясь все гуще и непрогляднее с каждым шагом.

Мысль ударила, как глоток ледяной воды, проясняя затуманенное сознание: дерево. Высокое дерево. Туда, наверх, где сгущалась листва. Это было укрытие. Возможность увидеть, что впереди. Возможность отдохнуть, не чувствуя под собой каменного ложа, на котором могла застать конница или что похуже.

Последние силы я собрала в кулак и свернула с едва намеченной тропинки в чащу. Воздух здесь был другим — спертым, пахнущим гнилой древесиной, металлом и чем-то сладковато-приторным, как разлагающийся плод. Я выбрала одно из самых высоких деревьев — его ствол, черный и бугристый, как старая кора железного дерева, уходил высоко в багровое небо, а ветви, покрытые игольчатой листвой, образовывали плотный, колючий навес.

Забраться на него с моим состоянием было испытанием. Кора была скользкой и твердой, сучки ломались под руками. Я цеплялась, царапалась, сбивая в кровь и без того израненные ладони, но упрямо ползла вверх. Каждый рывок отзывался огненной болью в мышцах, но я заставляла себя двигаться. Метр за метром. Пока, наконец, не выбралась на мощную, горизонтальную ветвь в нескольких метрах от земли, достаточно толстую, чтобы выдержать мой вес, и достаточно скрытую листвой, чтобы меня не было видно снизу.

Я обхватила ветку руками и ногами, прижавшись к холодной, шершавой коре. Дрожь, которую я сдерживала все это время, наконец прокатилась по телу волной — от усталости, от боли, от адреналинового отката. Я лежала, просто дыша, впитывая относительную безопасность высоты.

Отсюда, сквозь редкие прорехи в листве, открывался вид. Лес тянулся во все стороны, бесконечный и угрюмый. Там, где я пришла, пустошь уже терялась в багровой дымке. А впереди... впереди лес становился еще гуще, превращаясь в настоящую чашобу. И где-то там, в самой его глубине, пульсировала та самая слабая точка, моя цель, но сейчас мне было не до нее. Сейчас нужно было пить. Я заметила на соседней ветке скопление той же игольчатой листвы, на которой висели капли темной, смолистой влаги. Адская роса. Я не знала, можно ли ее пить, но знала, что без воды умру.

Я осторожно подтянулась, сорвала несколько иголок, с которых свисала самая крупная капля, и поднесла ко рту. Жидкость была терпкой, горькой, с сильным привкусом металла и чего-то лекарственного. Она обожгла язык, но не ядом, а скорее крепостью. Я выдавила из листьев еще несколько капель, смачивая пересохшие губы и горло. Это было отвратительно, но это была влага.

Потом я устроилась поудобнее, сняла кроссовки (ступни были в кровавых волдырях) и завернулась в свой грязный плащ, став похожей на странное, колючее гнездо на дереве.

Сверху доносились странные звуки леса: скрип ветвей, шелест, чьи-то невидимые шаги в подлеске. Но здесь, наверху, я была в относительной безопасности. По крайней мере, на время.

Я закрыла глаза, не позволяя себе уснуть глубоко, но давая телу драгоценные минуты покоя. Мысленно я прослеживала тот далекий пульс. Он был чуть ближе. Чуть отчетливее. Как будто этот лес вел к нему. Хорошо. Значит, идти нужно через чащу. Это было страшно — в лесу могли водиться твари пострашнее надсмотрщиков, но и укрытий здесь было больше. И, возможно, вода.

Я открыла глаза, глядя сквозь багровые иглы на тусклое небо. План был прост: отдохнуть сколько возможно. Затем — спуститься и идти дальше к пульсации, используя лес как прикрытие. А там... посмотрим. Главное — уйти подальше от сеновала и продолжающейся облавы.

Я снова прикрыла глаза, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Оно билось. Значит, я еще в игре.

Усталость была тяжелее свинцового плаща. Она обволакивала сознание, гасила тревожные мысли, превращая их в далекий, невнятный шум. Борьба с ней стала бессмысленной. Глаза слипались сами, дыхание выравнивалось, тяжелое и глубокое. Холод ветви под спиной, колючий запах листвы, мерный скрип дерева на ветру — все это слилось в одно смутное ощущение. Последнее, что я помнила — это багровый свет, пробивающийся сквозь иголки и рисующий на моих веках причудливые, кровавые узоры.

Потом — провал. Без снов. Без кошмаров. Просто густая, беспробудная тьма небытия, в которую рухнуло мое изможденное тело.

Я проснулась не от звука, а от его отсутствия. Тишина была неестественной, гнетущей. Даже ветер стих. И сквозь эту тишину пробивалось другое — ощущение. Не звук, не запах. Чувство присутствия. Острое, леденящее, как прикосновение лезвия к коже на шее.

Я не шевельнулась. Не открыла глаза до конца. Сквозь ресницы, в щели между иглами, я увидела... тень. Не от ветки, не от облака. Она была неестественно густой, абсолютно черной, и двигалась — нет, не двигалась, а перетекала — по земле между деревьями вниз. Она не имела четкой формы, но в ее очертаниях угадывалось нечто низкое, длинное, многоногое и в воздухе стоял сладковато-гнилостный запах, которого не было раньше.

Охотник. Не демон из стражи. Что-то местное, лесное. И оно явно что-то искало. Или кого-то.

Я затаила дыхание, превратившись в часть дерева. Мое сердце, казалось, замерло в груди. Мышцы одеревенели. Я следила, как тень медленно скользит под моим деревом, останавливается, будто приносясь к чему-то невидимому. Возможно, к следам моей усталости, к запаху чужеродной крови на коре.

Прошла вечность. Потом тень, не издав ни звука, поплыла дальше, растворившись в более глубоких сумерках леса.

Я выдохнула дрожащим, беззвучным свистом. Адреналин прогнал остатки сна, тело снова пронзила острая, живая боль. Но вместе с ней пришла и ясность. Спать больше нельзя. Каждая минута здесь — риск.

Я медленно, как старая ящерица, приподнялась на локте.

Воды больше не было. Силы не вернулись, лишь немного отдохнули мышцы, но я должна была двигаться. Пока эта тень, или что похуже, не вернулось. Пока ищейки не прочесали лес.

Я сползла с ветки, цепляясь за кору, и опустилась на землю. Ноги подкосились, но я удержалась. Осмотрелась. Лес смотрел на меня тысячей темных, безликих глаз-просветов. Впереди была чаща. И мой единственный ориентир — слабый зов в крови.

Я натянула капюшон, закуталась в плащ и сделала шаг. Потом еще один. Я шла, стараясь ступать как можно тише, обходя сухие ветки, пробираясь сквозь колючие заросли. Дыхание сбилось, в висках стучало. Чаща стучалась, становясь почти непроходимой стеной из колючих ветвей и бурых папоротников. Идти дальше в таком темпе — значит оставить на милость

судьбы. Нужно было провести ревизию. Последнюю ревизию перед, возможно, финальным рывком.

Я закрыла глаза, отгородившись от давящей тишины леса, и заглянула внутрь. Туда, где раньше была пустыня, выжженная прыжком через Разлом. И... почувствовала нечто. Не полноводную реку былой силы. Даже не ручей. Скорее, тоненький, слабый родник, пробившийся на дне высохшего колодца. За время сна и короткого отдыха моя внутренняя энергия, сила ходячей, пополнилась. Чуть-чуть. Капля за каплей она сочилась из самых глубин, подпитываемая инстинктом выживания и, возможно, этим странным адским воздухом.

Не до конца. Далеко не до конца. Но... на разрыв пространства должно хватить. На один разрыв. Маленький, нестабильный, на самое короткое расстояние. Как тот, что я проделала в комнате с порталом, чтобы уйти от Велиала. Только тогда у меня был точный вектор — аварийный сброс. Сейчас... сейчас мне нужно было пробить дыру в ткани этого круга вслепую, ориентируясь лишь на ту самую пульсацию. Это было безумием. Это могло выкинуть меня куда угодно: в сердце вулкана, в лапы к другим хищникам, в пустоту между мирами.

Но идти дальше пешком было еще большим безумием. Я была на пределе. Следующая встреча с лесной тварью или патрулем стала бы последней. У меня не было сил ни на бой, ни на долгий побег.

Я открыла глаза. Взгляд упал на ладони — исцарапанные, в ссадинах и запекшейся крови. Потом — на кристалл-талисман. Он по-прежнему был тусклым, но внутри него, в самой сердцевине, теплилась слабая, знакомая искорка. Моя искорка.

Решение созрело, холодное и твердое, как лезвие. Я не буду ждать, пока меня найдут. Я не буду ползти, пока не упаду за смертью. Я использую то, что есть. Сделаю прыжок. Свой прыжок.

Я оттолкнулась от дерева и двинулась не дальше в чащу, а к небольшой, относительно открытой поляне неподалеку. Здесь, под сенью кольца черных деревьев, было немного просторнее. Я остановилась в центре, на земле, покрытой слоем сухих, хрустящих иголок.

Снова закрыла глаза. На этот раз я не просто чувствовала слабый пульс вдалеке. Я нацеливалась на него, представляла его, как тонкую, дрожащую нить, протянутую сквозь толщу реальности. Моя слабая, но собранная в кулак сила потянулась к этой нити, обвила ее, пытаясь найти самое тонкое, самое уязвимое место. Не для того, чтобы открыть портал. Для того, чтобы прорвать.

Воздух вокруг меня зашевелился. Пыль и иголки на земле пришли в движение, закружились в медленном, тягучем вихре. От меня исходило слабое, золотистое сияние — бледное, как свет умирающей светлячки. В висках застучало, в глазах потемнело. Я чувствовала, как драгоценные капли силы выжимаются из меня, как вода из пересохшей губки. Я нашла точку. Ту самую, где пульс был чуть ярче, а барьер — чуть тоньше. Я вложила в это место всю свою волю, всю свою боль, весь свой страх. И рванула.

Раздался не громкий звук, а глухой, болезненный хлопок, будто лопнул огромный пузырь. Воздух передо мной треснул, как стекло, и в трещине забурило, заискрилось серовато-свинцовым светом. Это был не чистый проход. Это была рана в реальности, неровная, нестабильная, сочащаяся чужеродной энергией. Она была мала — едва ли в человеческий рост.

Мне не нужно было больше ничего. У меня не оставалось сил даже на раздумья.

Я сделала последний, пьяный шаг и прыгнула в бурлящую щель.

И снова — падение, боль, давление, выворачивающее наизнанку, но на этот раз все было быстрее, грубее, будто меня протащили через терновник из первозданного хаоса. Потом — удар.

Глава 5. Москва

Удар был не о камни, а о что-то твердое, но податливое — асфальт, пропитанный дождевой влагой и покрытый слоем какой-то липкой грязи. Я рухнула на бок, и боль, острая и знакомая, пронзила ребра.

Но это была не главная боль. Главным был шум. Оглушительный, резкий, живой шум, ворвавшийся в мои привыкшие к адской тишине уши. Гул моторов, визг тормозов, отдаленная музыка из открытого окна, чьи-то громкие, раздраженные голоса. И прямо надо мной:

— Эй, смотри-ка! Алкашка что ли валяется? Уже с утра!

Голос был грубым, мужским, привыкшим к грязи и человеческому отребью. Он звучал... невероятно знакомо. По-русски.

Я лежала, не в силах пошевелить ни одним мускулом, уткнувшись лицом в холодный, вонючий асфальт. Но внутри все замерло, а потом взорвалось тихой, безумной эйфорией. Родные голоса улиц. Грязь, брань, запах бензина и перегара — это был не адский смрад. Это был...

Я медленно, с судорожным усилием, подняла голову.

Я лежала в грязном, узком переулке между двумя высотными домами. Над головой — серое, низкое небо большого города. Не багровое, не лиловое. Серое. С потрескавшейся штукатурки на меня смотрела полустертая реклама какого-то энергетика. Из открытого окна на третьем этаже неслась скандальная передача по телевизору. Где-то далеко гудела машина.

Земля. Я на Земле. Боги... или кто там еще есть...

Ко мне уже подходили двое — здоровенные мужики в куртках, с лицами, на которых усталость и цинизм вытеснили все остальные эмоции. Один тыкал в мою сторону носком грязного ботинка.

— Живая? Эй, ты! Вставай, тут не ночлежка!

Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвался лишь хрип. Я была покрыта адской пылью, в рваной одежде, с потускневшими, спутанными волосами. Я выглядела хуже любой бомжихи, но я была здесь.

Я оттолкнула его ногу, слабо, но ясно. — Отстаньте, — прохрипела я, и мой голос, сорванный и хриплый, все же звучал на родном языке. — Я... просто прилегла.

Мужики переглянулись, фыркнули. — Ну, смотри, что б мусоров не привлекла.

Они плюнули и пошли прочь, продолжая свой разговор о работе и ценах. Я осталась лежать, прижимаясь щекой к холодному, родному асфальту.

Слезы. Глупые, неконтролируемые слезы покатались по моим грязным щекам, смешиваясь с пылью и сажей. Я не плакала, когда мой мир рушился. Не плакала от страха перед Велиалом. Но сейчас, от этого грубого, уродливого, прекрасного уличного шума, от запаха дождя и выхлопов, от простой человеческой злобы и безразличия — я не могла сдержаться.

Я была дома. В своем, чужом, но таком живом аду под названием Земля.

Я медленно, с невероятными усилиями, поднялась на колени, потом на ноги. Тело гудело, каждый сустав кричал, но это была знакомая, земная боль. Я оперлась о мокрую, холодную стену, глотая воздух полной грудью. Он был грязным, но он был моим.

Мой прыжок вслепую, отчаянная трата последних сил... она сработала. Я не знала, в какой город меня выкинуло, но это был не ад. Это был шанс.

Я стянула с себя вонючий адский плащ и швырнула его в ближайший мусорный бак. Под ним осталась моя изодранная, но своя одежда — водолазка, безрукавка. Я распустила волосы, попыталась пальцами пригладить их. Кристалл-талисман, лежавший на груди, казалось, чуть теплее отозвался на знакомую вибрацию мира.

Нужно было найти воду. Еду. Связь с Киром, если он еще жив. И укромное место, чтобы прийти в себя, оценить ущерб и понять, что делать дальше. Но сначала... сначала я просто

стояла, прислонившись к стене, и слушала. Слушала гул города, этот великий, равнодушный, прекрасный гул, который значил только одно: Велиал далеко. Охота, пусть и временно, провалилась.

Я вытерла лицо рукавом и, пошатываясь, вышла из переулка на оживленную улицу. На меня оглядывались, морщились, отворачивались. Я была грязным пятном на фоне утренней толпы. Но я улыбалась. Кривой, измученной, но самой настоящей улыбкой.

Я, Маргарита, ходячая, вернулась. Ад меня не удержал. Велиал меня не поймал. А, значит, игра продолжается. Только теперь — на моем поле.

Я выбралась из переулка и окунулась в утренний поток людей. Серые лица, уставшие глаза, спешка — все это было так знакомо, так дорого после адского однообразия. Я шла, почти не глядя по сторонам, пока не уперлась взглядом в огромное, мерцающее электронное табло на здании напротив. Новости, курс валют, время... и название станции метро.

«Охотный Ряд».

Воздух застрял в легких. Москва. Не просто «какой-то город». Москва. Мой город за последние семь лет. Ирония судьбы была по голове с силой кувалды.

Я медленно, как во сне, подняла голову и обвела взглядом площадь. Знакомые очертания гостиницы «Москва», строгие линии Исторического музея, толкотня у входа в метро. И там, в двух кварталах, за плотной завесой утреннего смога и потока машин, высилась гладкая, темная стекляшка. Бизнес-центр.

«ОкоМира».

Тот самый. Его посольство. Его фасад в самом сердце города, в котором я пыталась затеряться. Чертова насмешка вселенной была совершенной. Я прыгнула из его ада напрямик к его порогу. Ну, почти.

Холодный, липкий пот выступил на спине. Инстинкт кричал: *Беги! Прочь отсюда!* Но куда? У меня не было сил на новый прыжок. Да и некуда было прыгать.

Я слотнула ком в горле, заставила ноги двигаться. Не прочь от площади, а через нее, вглубь знакомых улиц, к своему старому убежищу. Моя квартира была далеко не здесь, в центре, а в спальном районе, но это был островок относительной безопасности. Там, среди своего хлама, своих запасов, я могла бы прийти в себя. Сообразить, что делать дальше. Понять, следит ли за моей конурой стража Велиала или они пока ищут меня только в аду.

Я поспешила, стараясь не привлекать внимания, сливаясь с толпой таких же усталых и невыспавшихся людей. Каждый шаг отдавался болью, но это была уже знакомая, почти успокаивающая боль возвращения. Я прошла мимо «ОкоМира», даже не повернув головы, но кожей чувствуя его холодное, безразличное присутствие. Он стоял там, как и всегда. Будто не было ни взлома, ни погони, ни отчаянного прыжка через миры. Будто это всего лишь еще один понедельник.

Дорога до метро, давка в вагоне, долгая поездка до окраины — все это прошло в тумане. Я была автоматом, который знает маршрут наизусть. Только когда я поднялась к своему дому — унылой, серой девятиэтажке — внутри что-то дрогнуло.

Я подошла к подъезду, стараясь не смотреть на разбитые фонари и исписанные граффити стены. Ключ... Черт. Ключи остались в той куртке, в той квартире, откуда я ушла на задание. Но у меня был запасной способ. Старая, откровенно кривая система домофона, которую я давно изучила. Пальцы, дрожащие от слабости, набрали код чужой квартиры, где точно никого не было днем. Система щелкнула. Я открыла дверь и впорхнула внутрь.

Лестница. Пятый этаж. Каждая ступенька казалась Эверестом. Наконец, моя дверь. Еще один обходной маневр — отмычка, спрятанная под отслоившимся линолеумом на площадке. Руки дрожали, но навык не подвел. Замок щелкнул.

Я ввалилась внутрь, тут же захлопнув ее за собой и прислонившись спиной к дереву.

Тишина. Знакомая, пыльная тишина моей конуры. Запах старой бумаги, пыли, чая и металла. Все было на своих местах. Ничего не тронuto.

Я медленно сползла по двери на пол, обхватив голову руками. Дрожь, которую я сдерживала все это время, наконец вырвалась наружу. Это была дрожь не страха, а колоссального, неподъемного облегчения. Я была дома. В своем уродливом, бедном, но своем углу на этой безумной планете.

«ОкоМира» был в двух кварталах от того места, куда меня выбросило. Это был знак. Неотвратимый и страшный. Игра не закончилась. Она просто перешла на новый уровень и теперь мне предстояло решить: бежать снова, на этот раз подальше от Земли? Или... остаться и сыграть с Князем в его же игру, но уже на своей, пусть и хлипкой, территории?

Но сначала... сначала нужно было встать. Проверить, жив ли Кир и посмотреть, не оставили ли мне гости из ада какого-нибудь сюрприза под подушкой.

Горячая вода. Она была настоящим чудом, почти болезненным после холода адских сумерек и липкой грязи переулка. Я стояла под почти кипящими струями, закрыв глаза, позволяя им смывать с кожи адскую пыль, пот, кровь и тот непередаваемый запах тления и отчаяния. Вода текла по моим волосам, смывая серую грязь, возвращая им хоть отблеск прежнего золота. Я уперлась лбом в прохладную кафельную плитку, чувствуя, как жар растекается по замерзшим мышцам, смывая дрожь. Дыхание выравнивалось. Мысли, наконец, начали приходить в порядок.

Я выжила. Я вырвалась. Я здесь, в своем душе, в своей квартире. Велиал где-то там, в своем стеклянном дворце или в глубинах ада. Между нами — слой реальности, бетон, сталь и эта драгоценная, простая вода. Я позволила себе выдохнуть то самое, огромное, тяжелое слово, которое давило на грудь с момента того проклятого базара.

— Выжила, — прошептала я в шум воды, и это было похоже на молитву.

И тут, сквозь шум льющейся воды и пара, сквозь собственное тяжелое дыхание, до меня донеслось. Не голос. Ощущение. Слово, возникшее не в ушах, а прямо в сознании, бархатное, теплое и бесконечно знакомое.

— Аппетитная.

Я вздрогнула так резко, что чуть не поскользнулась. Горячая вода внезапно стала обжигающе холодной. Я метнулась взглядом по крошечной кабинке, запотевшему стеклу двери. Никого. Только пар и струи воды. Но это был он. Тот же тон, та же интонация, с которой он произнес это слово тогда, прижав меня к стене. Это было не воспоминание. Это было... эхо. Или что-то похуже.

Я резко выключила воду. Тишина в ванной стала оглушительной. Капли падали с меня на пол с громким, отчетливым кап-кап. Я стояла, дрожа уже не от холода, а от внезапно вернувшегося, ледящего страха, прижимая к груди мокрые ладони. Мой взгляд упал на кристалл-талисман, валявшийся на краю раковины. Он по-прежнему был тусклым, но теперь в его глубине, казалось, пульсировала чужая, темная точка — отголосок того контакта, того прикосновения.

Он не просто отпустил меня. Он отметил. Оставил что-то вроде крючка. Печати. Он знал, что я вернусь на Землю? Или просто... поставил метку на ту вещь, которая его заинтересовала, чтобы легче было найти, если она появится вновь в пределах досягаемости?

Я быстро вытерлась грубым полотенцем, натянула первый попавшийся чистый халат и выскочила из ванной, будто там, в пару, могла материализоваться его фигура. В квартире было тихо и пусто. Я обежала все комнаты, проверяя окна, двери, даже заглянула в шкаф. Никого. Только мой старый хлам и тишина.

Но ощущение не уходило. Оно висело в воздухе, как запах дорогих духов после ухода нежеланного гостя. Он был далеко. Но он знал. И, возможно, наблюдал. Не физически. Каким-то иным способом.

Я подошла к окну, отдернула занавеску. Мой вид открывался на другие такие же унылые дома, на детскую площадку. Мир был обычным, скучным, безопасным, но это была иллюзия. Безопасность была нарушена. Не просто угрозой погони. Самим фактом его внимания.

Я вздохнула, прижав ладони к лицу. Усталость навалилась с новой силой, но теперь она была отравлена осознанием. Я выжила, чтобы оказаться в новой ловушке. Не в клетке, а под колпаком. Под прицелом любопытства Князя Обмана. Нужно было действовать. Проверить связь с Киrom. Оценить, насколько я «засвечена». И найти способ либо снять эту метку, либо... использовать ее. Сделать так, чтобы его интерес стал его слабостью.

Но сначала — чай. Горячий, крепкий, земной чай. Потому что какая бы игра ни начиналась, мне нужно было прийти в себя. Я повернулась от окна и направилась на кухню, к заветному шкафчику с заваркой. Пусть он наблюдает. Пусть думает, что я сломлена и напугана. Иногда лучшее оружие — это позволить врагу недооценить тебя.

Шелковый халат, мягко золотил кожу, напоминая о цвете моих когда-то ярких волос. Я была жива. Это физический факт, который я повторяла про себя, как мантру, стоя у плиты и наблюдая, как в чайнике закипает вода. Руки все еще слегка дрожали.

Мысли прояснились, холодные и острые, как осколки стекла. Кир. Нет. Связываться с ним сейчас — смерти подобно. Если за мной действительно следят (а голос в душе оставил мало сомнений), то первый, кого возьмут на карандаш или на крючок, — это мой агент. Его линии, его следы в сети — первое, что прочешут. Нужно было предполагать, что он уже в беде или под наблюдением. Любой сигнал с моей стороны будет подобен флажку, воткнутому в свою же спину.

Я залила кипятком заварку в толстой глиняной кружке — подарок с какого-то забытого базарчика. Аромат черного чая с бергамотом заполнил кухню, земной и успокаивающий. Я понесла кружку в гостиную, устроилась в глубоком, потертом кресле у окна. Сделала глоток. Горячая жидкость обожгла язык, но не принесла ожидаемого утешения. Внутри все так же сжималось в холодный, тревожный комок. Чай не поможет. Не уймёт эту глубокую, нервную дрожь, что сидит где-то в основании позвоночника. Дрожь не от холода и не от страха. От последствий. От понимания, что игра вышла на новый, невероятно опасный уровень. И от адского перегара в крови, который требовал более сильного антидота.

Я поставила недопитую кружку на стол, встала и направилась к небольшому бару в углу комнаты — собранию бутылок, накопленных за годы жизни здесь. Рука без колебаний потянулась к квадратной бутылке виски, крепкого, выдержанного, не для гурманов, а для того, чтобы рубить с плеча. Я налила добрую порцию в тяжелый стакан, плеснула сверху колы из старой пластиковой бутылки. Лед у меня не водился.

Подняла стакан, посмотрела на темно-золотистую жидкость. «За выживание», — мысленно произнесла я и сделала большой, обжигающий глоток. Алкоголь прошел по горлу огненной рекой, ударил в голову, заставив мир на миг поплыть, а потом — резко проясниться. Да, это было то, что нужно. Грубое, простое, химическое успокоение.

Я вернулась в кресло, уже со стаканом. Теперь в одной руке — чай, символ попытки вернуться к нормальности. В другой — виски, признание того, что нормальности больше нет. И, возможно, не будет.

Я сидела, попеременно отпивая то из одной, то из другой емкости, и смотрела в серое московское небо за окном. План формировался, мутный, но обретающий контуры.

Тишина. Полная. Никаких контактов из прошлой жизни. Никаких привычных маршрутов. Квартиру можно использовать как временную базу, но ненадолго.

Разведка. Нужно понять масштаб угрозы. Незаметно проверить, следят ли за домом. Узнать, что творится с «ОкоМира» — усилена ли охрана, не рыщут ли по городу знакомые рожи из адской стражи (пусть и в человеческом обличье).

Метка. Это было главное. Нужно было выяснить, что это такое и как от нее избавиться. Мой кристалл... он мог быть ключом. Или передатчиком.

Ресурсы. Деньги (крипта часть осталась, часть, наверное, заморожена). Оружие (кое-что спрятано здесь). Документы (фальшивые, но старые). Нужно было оценить, что можно использовать, а от чего придется отказаться.

Виски делал свое дело. Дрожь внутри постепенно стихала, сменяясь тяжелой, свинцовой решимостью. Страх никуда не делся. Но теперь он был не парализующим, а... рабочим. Инструментом, который затачивает чувства.

Я допила виски до дна, поставила стакан рядом с недопитым чаем. Встала, чувствуя, как тепло алкоголя расходится по телу, придавая ложную бодрость.

Первый шаг — сменить внешность. Хотя бы немного. Волосы... их придется состричь и перекрасить. Одежду — на другую, из самых глубин шкафа, которую я никогда не носила здесь. Затем — осторожный выход. Не за продуктами. За информацией.

Я подошла к зеркалу в прихожей. Из него смотрела та же девушка с кукольным лицом, но теперь в ее слишком больших глазах стояла не хрупкость, а холодная, отрешенная твердость. Ад и виски сделали свое дело.

«Ну что ж, Велиал, — подумала я, глядя на свое отражение. — Ты хотел поиграть в кошки-мышки на моей территории? Давай поиграем. Только учти, здесь мыши иногда бывают ядовитыми. И у них есть привычка кусаться за самые больные места».

Я повернулась от зеркала и направилась в спальню, к старой машинке для стрижки и завалившейся где-то краске для волос. Начинался новый день. Первый день новой, еще более опасной жизни. И на этот раз отступать было некуда.

И замерла.

В моем старом, потертом кресле у туалетного столика, том самом, на котором я обычно сваливала одежду, сидел он.

Велиал.

Он был здесь. В моей спальне. В моей квартире. В моем последнем убежище. Он сидел с той же небрежной, хищной грацией, что и в аду. Белые волосы идеально лежали, белая футболка обрисовывала рельеф мышц, темные кожаные брюки и ботинки выглядели абсурдно уместно на фоне моего дешевого ковра. Он облокотился на подлокотник, подперев щеку рукой, и смотрел на меня своими темно-аметистовыми глазами. В них не было ни злобы, ни торжества. Было лишь спокойное, всепоглощающее любопытство и... легкая усталость, как у человека, который слишком долго ждал.

— Наконец-то, — произнес он. Его бархатный голос заполнил маленькую комнату, вытеснив собой все остальные звуки. — А я уже начал думать, что ты решила провести весь день в ванной. Или с виски.

Я стояла на пороге, не в силах пошевелиться. Ледяной шок сковал каждую мышцу. Алкогольное тепло в жилах обратилось в лед. Мозг отчаянно пытался осмыслить невозможное: как? Как он прошел через все замки, сигнализации (пусть и самодельные), как он оказался здесь, не вызвав ни малейшего шума, ни всплеска энергии?

Он слегка наклонил голову, изучая мое лицо. — Перекрашиваться собралась? Напрасно. Золотой тебе идет. Хотя... после всего пережитого, возможно, и правда стоит сменить образ. Но давай сначала поговорим.

Он медленно поднялся с кресла. Он был высоким, и в тесной спальне его присутствие стало физически давящим. Он сделал шаг ко мне, и я непроизвольно отступила назад, в дверной проем.

— Не бойся, — сказал он мягко, но в его голосе прозвучала та же сладость, что и тогда, в комнате с порталом. — Я же сказал — поговорим. Ты доставила мне столько... волнений. И

проявила столько изобретательности. Такую редкость нельзя просто сломать. Ей нужно предложить что-то более интересное.

Он остановился в двух шагах от меня. Я чувствовала исходящее от него тепло и тот странный, смешанный аромат — дорогой парфюм, остывший металл и древняя пыль.

— Что... что ты хочешь? — выдохнула я, и мой голос прозвучал хрипло и чужим.

— Хочу понять, — он протянул руку, но не чтобы схватить. Он просто провел кончиком пальца по воздуху в сантиметре от моего плеча, как бы очерчивая мой силуэт. — Кто ты такая, маленькая ходячая, что осмелилась влезть в мой дом, ударить меня... и выжить. Кто тебя послал. И главное... — его глаза сверкнули аметистовым огнем. — Что ты такое на самом деле. Твоя сила... она интересная. Не демоническая. Не ангельская. Чужая. Мне нравятся чужие вещи. Особенно когда они... аппетитные.

Последнее слово он произнес тем же томным, оценивающим тоном, что и в душе. И оно прозвучало в десять раз страшнее здесь, в моей спальне, чем в голове.

Я сглотнула. Бежать? Куда? Он был здесь. Бороться? У меня не было сил даже на то, чтобы пошевелить пальцем под его взглядом. Осталось только одно.

— Предлагаешь сделку? — спросила я, заставляя голос звучать ровнее, чем чувствовала себя.

Он улыбнулся. Это была красивая, обезоруживающая улыбка. — Умная девочка. Да. Сделку. Ты рассказываешь мне все, что знаешь. А я... я даю тебе шанс. Не на жизнь — ты и так ее вырвала, я это оценил. А на нечто большее. Работу. Настоящую. Не на какого-то жалкого полукровку-агента. На меня.

Он снова сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума. Его дыхание коснулось моего лица. — Представь, какие порталы ты могла бы открывать с моей поддержкой. Какие миры увидеть. Какую силу получить. Все, что тебе нужно — это быть... полезной. И интересной. А в этом, — он обвел меня взглядом с ног до головы, — у тебя, кажется, талант.

Это было худшее, что он мог предложить. Не смерть. Не пытки. Интерес. Рабство под самым красивым, самым страшным покровителем во всех мирах.

Я отступила еще на шаг, спиной упершись в косяк двери. У меня не было выбора. Но и соглашаться на это... это означало потерять себя навсегда.

— А если я откажусь? — прошептала я.

Его улыбка не дрогнула, но в глазах потемнело. — О, не отказывайся, златовласка. Ты же умница. Ты понимаешь, что у меня есть много способов... убедить. И не все они неприятны. Но зачем нам портить то, что только начинается?

Он протянул руку, на этот раз по-настоящему. Не для рукопожатия. Как бы предлагая помощь, поддержать. — Давай начнем с малого. Расскажи мне... с кем ты работала до Кирилла? Кто тебе дал задание на мой портал?

Я смотрела на его протянутую руку. На безупречные, сильные пальцы. А потом перевела взгляд на его лицо. На эту маску красивой, почти человеческой заинтересованности, за которой скрывалась бездна древнего, безжалостного эгоизма.

У меня не было оружия. Не было сил. Не было выхода из комнаты, который бы он не контролировал.

Но у меня еще было слово. И отчаяние, которое всегда было моим самым верным союзником.

Я медленно подняла свою руку, будто собираясь принять его.

Мои пальцы сжали полы шелкового халата, потянули их сильнее на грудь. Тонкая ткань, такая уютная минуту назад, теперь казалась предательски легкой, почти прозрачной барьером между мной и его всевидящим взглядом. Я почувствовала, как по спине пробегает холодок, но голос, когда я заговорила, прозвучал ровно, с хорошо сыгранной ноткой усталой покорности.

— У меня нет информации, — сказала я, глядя не прямо в его аметистовые глаза, а чуть ниже, на его подбородок. Жертва не должна бросать вызов. — Я лишь исполнитель. Одно из звеньев в цепочке, которому дали задание. Ни имени, ни лица. Только техническое задание и криптовалюта на счет.

Я позволила плечам опуститься, изобразив привычную, утомленную беспомощность наемника.
— Вы думаете, такие, как я, знают, кто стоит за заказом на взлом портала Князя Велиала? — я нарочно вставила его титул, подчеркивая абсурдность такой мысли. — Мне сказали — демоническая верхушка. Что это значит? Маммон? Астарот? Бегемот? Я не знаю. Мне просто дали схему и деньги.

Я медленно покачала головой, позволяя отчаянию чуть дрогнуть в голосе.
— А потом... потом вы появились. И я поняла, в какую игру меня втянули. Игра, где я — разменная пешка.

Я рискнула поднять на него взгляд, стараясь наполнить его искренним страхом и потерянностью. Не страхом перед ним — такой он увидит насквозь. А страхом мелкой сошки, попавшей в жернова большой политики.
— Я не враг вам. Я просто хотела выжить. Я и сейчас просто хочу выжить.

Это была тонкая игра. Принизить себя. Сделать неинтересной как противник, но... возможно, сохранить ценность как инструмент, который искренне боится и хочет услужить. Показать, что у меня нет великих тайн, за которые стоит ломать, но есть навык, который может быть полезен, если направить его в нужное русло.

Я ждала, затаив дыхание, следя за малейшей переменной в его лице. Согласится ли он принять эту роль? Или его «интерес» требовал более глубокого, более личного сопротивления?

Его палец был теплым. Неожиданно теплым для существа из самых холодных глубин инферно. Он коснулся шелковой ткани у самой груди, не надавливая, просто лежа там, как случайный груз. Но от этого прикосновения по всему телу пробежали мурашки — не от страха, а от абсолютной, всепоглощающей уязвимости. Он был так близко, что я чувствовала тонкий, пряный аромат его кожи, смешанный с чем-то древним и металлическим.

— Совсем ничего? — повторил он, и в его голосе звучало не разочарование, а легкая, почти игровая досада, как у ребенка, которому не дали самой интересной игрушки. — Ох, как жаль.

Его палец медленно, с невероятной, кошачьей нежностью, провел по шелку вниз, к тому месту, где полы халата сходились у моего пояса. Каждый миллиметр этого движения отдавался в моем сознании огненной вспышкой тревоги.

— Ты знаешь, — продолжил он, его голос стал тише, интимнее, будто он делился большим секретом. — Я верю, что ты не знаешь имени. Демоны верхушки умеют прятать тени. Но... — его палец остановился, слегка надавив на узел пояса. — Но ты что-то чувствовала. Когда принимала задание. Когда готовилась. Ты — ходячая. Ты ощущаешь миры, энергии. Ты не могла не почувствовать... масштаб. Вес того, во что лезешь. Или особый привкус магии заказчика. Что-то, что отличало его от обычного демона-контрабандиста.

Он наклонился чуть ближе, и его губы почти касались моего уха. Дыхание было горячим и влажным.
— Вот это «что-то» мне и нужно. Не имя. Ощущение. Его аура. Его почерк. Даже если он маскировался, для такой, как ты, всегда остается... послевкусие.

Его свободная рука поднялась и мягко, но неотвратимо взяла меня за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза. В их темно-аметистовой глубине теперь плавали искры настоящего, ненасытного любопытства.
— Дай мне это. Вспомни. Опиши. И я... я сделаю так, что ты забудешь про страх. Про бегство. У меня для тебя есть место, златовласка. Место, где твои таланты оценят по достоинству. Где ты будешь не пешкой, а... ценной фигурой. Королевой на моей доске.

Это было хуже угроз. Это был соблазн. Самый страшный из возможных. Он предлагал не просто жизнь. Он предлагал значимость. Защиту. Силу. Все, чего может желать существо, семь лет скитающееся по чужим мирам в роли наемного инструмента. И цена казалась такой малой — всего лишь воспоминание. Ощущение.

Но я знала демонов. Особенно князей. Их сделки всегда имели скрытые пункты. Отдать ему это «ощущение» — значило открыть ему часть себя, дать ему ниточку, потянув за которую, он мог распутать все. А «место на доске»... фигуры имеют свойство быть разменянными в самый нужный момент.

Я смотрела в его глаза, чувствуя, как под его пальцами на подбородке и у пояса кожа горит. Мой разум лихорадочно работал. Сопротивляться напрямую было бесполезно. Врать о том, что я ничего не чувствовала — он не поверит. Нужно было дать ему что-то. Что-то правдоподобное, но бесполезное. Или... опасное.

Я медленно выдохнула, позволив векам дрогнуть, изображая попытку сосредоточиться, заглянуть в память.
— Было... — начала я, голос стал тише, задумчивее. — Не магия. Не аура. Это было похоже на... холод. Не ледяной. Металлический. Сухой. Как пустота в старом, брошенном соборе. И... тишина. Не обычная. Такая, которая давит на барабанные перепонки. Будто за заказом стояла не сила, а... отсутствие. Пожирающее все вокруг отсутствие.

Я говорила правду. Именно такое ощущение я получила от данных, от общего настроения операции. Но я намеренно сдвинула акцент, описав не конкретного демона, а скорее... метод, стиль. Такой, который мог принадлежать кому-то очень осторожному, очень старому, очень безличному. Возможно, даже не самому заказчику, а его буферу.

Я наблюдала за его лицом. Легкая тень задумчивости скользнула по его идеальным чертам. «Металлическая пустота»... это могло быть многими. Но это было что-то. Это зацепка. И, возможно, именно такая расплывчатая, чтобы заставить его самого копать, отвлекаясь от меня.

— Интересно, — прошептал он, и его палец на моем подбородке слегка погладил кожу. — Очень... интересно. Спасибо, дорогая.

Он отпустил мой подбородок, но его другая рука, лежавшая у моего пояса, не убралась. Вместо этого он медленно, с тем же гипнотическим спокойствием, развязал шелковый узел. Полы халата разошлись.

— Нет!

Слово вырвалось резко, хрипло, прежде чем я успела обдумать. Инстинкт самосохранения, более древний, чем страх перед Князем, сработал сам. Я рванула полы халата на себя, отшатнувшись от его руки так резко, что спина с силой ударилась о дверной косяк.

Боль пронзила позвоночник, но я почти не почувствовала ее. Вся ярость, все унижение, вся накопившаяся горечь от этой бесконечной погони, от его снисходительных прикосновений, от этого ощущения, будто я — вещь, которую рассматривают перед покупкой, вырвалась наружу одним ядовитым, презрительным выдохом:

— Фу! Иди к своему гарему, или что там у вас, у князей!

Я стояла, прижимая к груди скомканный шелк, дыхание сбилось, а в глазах, наверное, горел тот самый дикий, не рассчитанный огонь, который он так хотел увидеть. Я не была больше покорной пешкой или напуганной жертвой. Я была возмущена. Глупо, бесполезно, смертельно опасно — но искренне.

Он замер. Его рука повисла в воздухе там, где секунду назад был развязанный пояс. На его идеально красивом лице впервые за все наше знакомство промелькнуло настоящее, неконтролируемое выражение. Не гнева. Искреннего, беззлобного удивления. Будто дорогая кошка, которую только что шлепнули газетой за то, что она полезла на стол.

Эта доля секунды чистого, человеческого (или почти человеческого) недоумения была бесценной. Потом его черты вновь обрели привычную гладкую маску, но в уголках губ заплясали искорки настоящего, живого интереса, куда более опасного, чем прежнее любопытство.

— Гарем? — он медленно, с явным удовольствием, произнес это слово, растягивая гласные. — О, милая златовласка. У меня нет «гарема». У меня есть... активы. Инструменты. Игрушки, которые быстро надоедают. Ты... — он снова сделал шаг вперед, но на этот раз не пытался прикоснуться. Он просто смотрел, изучая меня, как редкий, взъерошенный экземпляр. — Ты не похожа на игрушку. Ты похожа на дикую кошку, которую принесли с улицы. Она шипит, царапается, но в ее глазах... огонь. Настоящий. Тот, что нельзя купить или выдрессировать.

Он склонил голову набок.
 — Мне это нравится. Продолжай. Злись. Борись. Это куда интереснее покорности.

Я поняла свою ошибку. И свою единственную, призрачную возможность. Он устал от покорности. Ему наскучили те, кто ломается сразу. Мое сопротивление, мое «фу!» — это была не смертельная ошибка. Это была приманка. Более интересная, чем любая информация.

Я выпрямилась, все еще сжимая халат, но уже не так испуганно. Голос, когда я заговорила, звучал низко и резко:
 — Я не дикая кошка. И не игрушка. Я — профессионал. Я сделала свою работу. Меня подставили. Теперь я здесь. Если ты хочешь меня использовать — говори, как. Но не трогай.

Он рассмеялся. Звонко, почти по-человечески.
 — Условия! Она выдвигает условия! — он сделал театральный жест рукой. — Хорошо. Давай заключим временное перемирие. Я не буду... трогать. Пока. А ты... ты будешь работать на меня. Не как рабыня. Как контрактор. Первое задание — найди того, кто тебя нанял. Используй свои навыки. Свои связи. Твое «ощущение». А я... я обеспечу тебе крышу над головой. Ресурсы. И защиту от тех, кто захочет заставить тебя замолчать. Включая, возможно, твоего бывшего заказчика.

Это был другой уровень игры. Он предлагал не рабство, а союзничество. Ядовитое, неравное, смертельно опасное, но все же союзничество. Он признавал во мне силу и хотел направить ее против своих врагов.

Я смотрела на него, оценивая. Это была ловушка, конечно, но каждая дверь в этой комнате была ловушкой. Эта, по крайней мере, оставляла мне видимость контроля и цель.

— А если я откажусь? — спросила я, уже зная ответ.

— Тогда я вернусь к варианту с игрушкой, — ответил он просто, и в его глазах не было ни капли шуток. — Но, поверь, это будет скучно. Для нас обоих.

Выбора не было.
 — Ладно, — выдохнула я. — Контрактор. На каких условиях? Оплата? Сроки?

Он улыбнулся, довольный, как кот, получивший свой завтрак и зрелище.
 — Вот это уже деловой разговор. Детали обсудим позже. А сейчас... оденься во что-нибудь менее... драматичное. И приготовься к переезду. Здесь ты больше не в безопасности.

— Выйди из моей спальни! — выпалила я, уже не пытаясь скрывать раздражение. Мое «фу!» открыло шлюзы, и теперь гнев был честнее и безопаснее страха.

— О, смущаешься? — в его голосе зазвенела откровенная, ядовитая насмешка. Он явно получал удовольствие от того, что вывел меня из равновесия.

Это было последней каплей. Я выпрямилась во весь свой невеликий рост, все еще прижимая к груди халат, но теперь с видом не испуганной жертвы, а возмущенной хозяйки, у которой в комнату вломился наглый кот.

— Представь себе! — бросила я, и голос мой зазвенел ледяной сталью. — Я — девушка. Ты — мужик. Или что-то, что на него похоже. И мы не настолько хорошо знакомы, чтобы ты разгуливал по моей спальне, когда я почти раздета. Или в ваших демонических кругах это называется «деловой этикет»?

Я видела, как его губы дрогнули, сдерживая смех, но в аметистовых глазах промелькнуло нечто вроде... уважения? Нет, скорее, азарта охотника, который наконец-то услышал не визг кролика, а рычание другого хищника, пусть и мелкого.

— Демонические круги, милая, куда менее стеснительны, — парировал он, но сделал шаг назад, за порог. — Но что поделать, если я имею дело с ходячей, выросшей на человеческих условностях. Ладно. Уступаю твоим... скромным пожеланиям.

Он прислонился к косяку двери в гостиную, сложив руки на груди, но не уходя. — У тебя есть пять минут. Приведи себя в божеский вид. И подумай, что из своих «девичьих» штук ты возьмешь с собой. Остальное останется здесь. Навсегда.

С этими словами он, наконец, исчез из поля зрения, оставив дверь открытой. Я слышала, как он неторопливо передвигается по гостиной, возможно, изучая мои скромные пожитки.

Я тяжело выдохнула, чувствуя, как дрожь сменяется странной, пустой решимостью. Он уступил. На несколько минут. Но правила игры были заданы. Теперь он был не просто охотником. Он был... работодателем. Самым опасным из всех возможных.

Я быстро завязала халат, на этот раз намертво, и подбежала к шкафу. Пять минут. Что взять? Не сантименты. Инструменты. Деньги. Фальшивые документы. Запасную одежду — темную, практичную. Аптечку. Ноутбук? Нет, слишком громоздко, к тому же, возможно, заражено. Кристалл-талисман я и так носила на себе.

Я действовала быстро, на автомате, складывая необходимое в старый, прочный рюкзак для походов. Мысли бежали впереди действий: «Переезд». Куда? В его владения? В «Око-Мира»? В какое-то другое место в этом городе или за его пределами? Он сказал «крыша». Значит, скорее всего, здесь, на Земле. Возможно, прямо под носом у тех, кто меня искал.

Я натянула поверх халата темные джинсы и свитер, на ноги — крепкие ботинки. Волосы собрала в тугий пучок. В зеркале на меня смотрела не кукла и не жертва. Смотрела боевая единица. Наемник, который только что пошел на службу к самому опасному клиенту во вселенной.

Я взвалила рюкзак на плечо и сделала последний взгляд на свою комнату. На потертое кресло, где он сидел. На недопитый чай и виски в гостиной. На всю эту жалкую, но свою, независимую жизнь, которая заканчивалась здесь и сейчас.

— Готова, — сказала я, выходя в гостиную.

Он стоял у окна, глядя на серые дворы. Овернул. Его взгляд скользнул по моему рюкзаку, по моей новой, собранной позе. Он кивнул, одобрительно.

— Отлично. Тогда пошли. Твое новое жилье... с лучшим видом. И с охраной, которая не позволит тебе снова так легко сбежать.

Он открыл входную дверь и жестом пригласил меня выйти первой. В проходе стоял не пустой подъезд. Там, по стенам, замерли двое в темных костюмах и с абсолютно пустыми, нечеловеческими лицами. Его люди. Или нелюди.

Я слотнула, прошла между ними, чувствуя их взгляды на своей спине. Велиал вышел следом, и дверь моей квартиры с тихим щелчком закрылась за нами. Навсегда.

Спуск по лестнице, выход на улицу. К тротуару уже подъехал длинный, черный автомобиль с тонированными стеклами.

Глава 6. Пентхаус

Автомобиль, бесшумный и мощный, скользнул по московским улицам, не привлекая внимания. Мы проехали всего несколько кварталов. Он остановился не у парадного входа «ОкоМира», а у неприметного служебного въезда в глубине двора. Лифт, который вызвал один из «людей в черном», был не обычным пассажирским, а скоростным, с панелью, на которой были только две кнопки: «-3» и «Пентхаус».

Кнопка «Пентхаус» была нажата.

Лифт рванул вверх так быстро, что уши заложило. Когда двери разъехались, я увидела не офисный этаж, а просторный холл с панорамным остеклением от пола до потолка. Вид был... ошеломительный. Весь центр Москвы лежал как на ладони, под низким, серым небом. Здесь, наверху, не было ни души. Только тишина, нарушаемая тихим гулом города где-то внизу.

Велиал прошел вперед, не оборачиваясь, и толкнул одну из высоких, темных деревянных дверей. Я последовала за ним.

Мы оказались в огромной гостиной в стиле лофт — высокие потолки, бетонные стены, сочетающиеся с дорогой мебелью из темного дерева и кожи. Все было безупречно, стерильно и... безлико. Как дорогой отель, в котором никто не живет. С другой стороны комнаты была еще одна дверь.

— Смежная комната — твоя, — сказал Велиал, указывая на нее подбородком. Он сбросил свою кожаную куртку на диван

Я замерла на пороге, рюкзак тяжело повис на плече. Мозг с трудом переваривал информацию. Не отдельная квартира. Не съемная конура где-нибудь на окраине. Смежная комната. В его апартаментах. На самом верху его логова.

— Я что, с тобой жить буду? — вырвалось у меня, и голос прозвучал слишком громко в этой тишине. В нем смешались неверие, ужас и новая волна возмущения.

Он обернулся, его взгляд был спокойным, почти скупающим.
— А что не так? Удобно. Безопасно. Все необходимое под рукой. И я всегда рядом, если... понадобится. Или если ты решишь снова порадовать меня побегом.

Он подошел к мини-бару, встроенному в бетонную стену, и налил себе в бокал что-то темно-янтарное.
— Не волнуйся, уважаю твою... скромность. Комната с отдельным санузлом. Дверь, — он кивнул на массивную створку, — имеет замок. С твоей стороны. Если это тебя успокоит.

«Успокоит». Слово звучало как насмешка. Замок от Велиала? Если он захочет войти, никакой замок не поможет. А жить в соседней с ним комнате... это была не безопасность. Это был золотой, стеклянный террариум. Постоянное наблюдение. Постоянное давление.

— Это клетка, — прошипела я.
— Это роскошные апартаменты с лучшим видом в городе, — поправил он, делая глоток. — И твоя оперативная база. Здесь тебе будут доставлять всю необходимую информацию. Отсюда ты начнешь поиски. И здесь... ты под моей защитой. От всех. Включая, повторюсь, твоего таинственного заказчика, который наверняка уже в курсе, что ты жива и невредима. Хочешь выйти — скажи охране. Они тебя сопровождают, но помни о правилах игры.

Я подошла к панорамному окну, положила ладонь на холодное стекло. Где-то там, внизу, в этой серой толчее, была моя старая жизнь. Свободная, полная страха, но моя. А здесь... безопасность куплена ценой самой свободы.

— Ладно, — сказала я тихо, больше себе, чем ему. — Где мой «офис»?

Он улыбнулся, поняв, что я приняла правила. Пока что.
— В твоей комнате есть все необходимое. Компьютер, защищенные линии, доступ к некоторым... закрытым сетям. Осваивайся. Завтра обсудим детали твоего первого задания.

Он допил свой напиток и направился ко второй двери в гостиную, которая, видимо, вела в его личные покои.
— О, и, Рита? — он остановился в дверном проеме, не оборачиваясь.
— Добро пожаловать домой.

Дверь закрылась за ним с тихим, но окончательным щелчком.

Я осталась одна в огромной, холодной гостиной. Потом медленно подошла к двери «своей» комнаты, толкнула ее.

Комната была просторной, светлой, обставленной с тем же безликим шиком. Большая кровать, рабочий стол с мощным компьютером, диван, дверь в санузел... На столе лежала плоская карта доступа и новый телефон.

Я сбросила рюкзак на пол, подошла к окну. Вид был действительно впечатляющим. И абсолютно чужим. Я была в небе. В клетке с золотыми прутьями, которую мне только что подарил Князь Обмана.

Я повернулась и посмотрела на дверь, ведущую в гостиную. А за ней — в его комнату.

Я вздохнула, села на край кровати и уставилась в пустоту. Битва за выживание закончилась. Начиналась война на истощение. И моим полем боя стала смежная комната с демоном.

Я быстро скинула джинсы и свитер, чувствуя, как от них исходит запах страха, пыли и пота. Взяла из рюкзака чистые, мягкие шорты и простую темную футболку — ощущение нормальной ткани на коже было маленьким утешением. Пока я натягивала футболку через голову, мой проклятый кристалл-талисман на цепочке зацепился за сережку в ухе.

— Черт! — я потянула, сережка вырвалась из мочки и, звякнув, покатила по глянцевому паркету прямо под низкую платформу кровати.

Я фыркнула от досады, встала на корточки, чтобы заглянуть в темную щель. И в этот момент, прямо у моего уха, раздался бархатный, слишком знакомый голос:

— М-м, вид что надо.

Я вздрогнула так резко, что дернулась всем телом. Голова со всего размаху ударилась о твердое деревянное основание кровати. Звонкий, болезненный стук прокатился по комнате.

— Ауч! — вырвалось у меня непроизвольно. Я отползла назад, схватившись за макушку, где уже набухла шишка. В глазах потемнело от боли и ярости.

Он стоял в дверном проеме между нашими комнатами. Дверь, которую я была уверена, что закрыла, была теперь приоткрыта. Он опирался о косяк, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с тем же довольным, хищным любопытством. Его взгляд скользнул по моим босым ногам в шортах, по оголенным плечам из-под широкого выреза футболки.

— Ну надо же, какая неуклюжая, — произнес он без тени сочувствия. — Искала что-то?

— Я... сережку уронила, — прошипела я, чувствуя, как жар стыда и злости поднимается к щекам. — И выйди. Или хотя бы постучи.

— Стучать? — он сделал шаг в комнату, и пространство сразу же съезжилось. — Мы же соседи по квартире. Разве соседи стучат? Они просто... заходят поболтать.

Он наклонился, одним плавным движением подобрал с пола из-под края кровати мою сережку — простой серебряный ободок. Поднял, рассмотрел на свет.
— Мило. Просто. Как раз для тебя. — Он протянул ее мне.

Я не двинулась с места. Стояла, сжав кулаки, глядя на него. Боль в голове пульсировала в такт бешеному сердцебиению.

— Я сама могла достать, — сквозь зубы сказала я.

— Упрямая, — вздохнул он, но не убрал руку. — Бери. Не заставляй меня настаивать.

Тон изменился. Стал мягче, но в этой мягкости была стальная нить приказа. Я медленно протянула руку. Он положил сережку мне на ладонь, и его пальцы на мгновение коснулись моей кожи. Горячие, как всегда.

— Спасибо, — процедила я, отдергивая руку, будто от огня.

— Всегда пожалуйста, — он улыбнулся, повернулся и направился обратно к своей двери. На пороге остановился. — И, Рита? Шорты тебе тоже идут. Расслабляйся. Осваивайся. Утро вечера мудренее. Завтра поговорим о деле.

Он вышел, и дверь закрылась.

Я стояла посреди комнаты, сжимая в потной ладони сережку. Вид из окна, роскошная обстановка, «защита» — все это было мишурой. Реальность была в этой двери без замка с его стороны. В его способности появляться когда угодно. В его взгляде, который видел не соседа по несчастью, а новую, занятную игрушку, которой он решил лично «поинтересоваться».

Я подошла к двери, ведущей в гостиную. Проверила — открывалась. Но какая разница? Охрана на этаже. Он — за стеной. Я была не в крепости. Я была в самом центре лабиринта, а Минотавр жил в соседней комнате и только что любезно вернул мне мою потерянную безделушку.

Я медленно надела сережку, ощущая холод металла в разгоряченной мочке уха. Потом подошла к окну, уперлась лбом в холодное стекло и закрыла глаза.

Боже, во что я ввязалась.

Чертов извращенец. Мысль жгла изнутри, горькая и беспомощная. Он не просто силен. Он бесшумен. Воплощение тихой, абсолютной угрозы. Он мог появиться в любой момент, как тень, как сквозняк, как нежелательная мысль. И этот его «интерес»... он был страшнее любой ярости. Ярость можно понять, можно предсказать. А это томное, оценивающее любопытство? Оно не имело границ. Не имело правил.

Я оглядела свою новую клетку. Компьютер. Телефон. Я подошла к столу, взяла телефон. Простой, без опознавательных знаков. Я включила его. Минимальная прошивка. Контактных нет. Только приложение для защищенных сообщений и номер с коротким именем «К.» — не Кир, конечно. Координатор? Контролер?

Я положила телефон. Села за компьютер. Он загрузился мгновенно, без пароля. Рабочий стол был чист, кроме нескольких значков: «База», «Сети», «Задания». Я щелкнула на «Базу». Потребовался биометрический ключ — сканер отпечатка пальца встроен прямо в клавиатуру. Я приложила палец. Система зависла на секунду, а потом выдала: «Доступ предоставлен: Маргарита. Уровень: Контрактор (Ограниченный)».

Интересно. «Ограниченный». Значит, есть и другие уровни. Значит, я не единственная, кто здесь работает на него? Или уровни существуют для разных задач?

Я начала рыться. База данных была огромной, но мои фильтры не пускали в самые интересные разделы — «Персонал», «Финансы», «Стратегические активы». Мне был доступен каталог «Известные оперативники и наемники (нейтральные и враждебные)», досье на ряд мелких демонических кланов и полулегальных корпораций, карта... карта порталных аномалий в радиусе 500 км от Москвы. Это было что-то.

Он дал мне инструменты. Не для побега. Для работы. Он действительно хотел, чтобы я что-то нашла. И, судя по доступным данным, искать я должна была не в аду, а здесь, на Земле. Возможно, следы того самого заказчика, его земных агентов или активов.

Значит, у меня есть время. И пространство для маневра. Пока я ищу, я могу изучать. Систему. Его привычки. Его охрану. Слабые места в этой «крыше».

Я откинулась на спинку кресла, глядя на мерцающий экран. Голова все еще болела от удара, но мысли прояснились. Страх никуда не делся, но теперь к нему добавилось холодное, расчетливое любопытство. Обратная сторона его собственного.

Он думает, что держит меня на коротком поводке в золотой клетке. Что я буду бояться, метаться, пытаться спрятаться. Что его бесшумные появления будут держать меня в постоянном напряжении.

А что, если... нет? Что, если я приму эти правила? Буду работать. Изучать. И ждать. Не как загнанный зверь, а как... ученик. Опасный ученик, который внимательно наблюдает за

учителем, чтобы понять, как его превзойти. Или как минимум — как выжить в его мире на своих условиях.

Я встала, подошла к двери, ведущей в гостиную. Приложила ухо. Тишина. Абсолютная. Он мог быть там. А мог и не быть. Он мог быть где угодно.

— Ладно, — прошептала я в дерево двери. — Поиграем в твою игру, Велиал. В кошки-мышки. Только учти, некоторые мыши... изучают повадки кошек и иногда находят способы вывести их из себя.

Я вернулась к компьютеру. Первым делом — изучить карту порталных аномалий. Вдруг среди них найдется что-то полезное. Не для побега сейчас. Для будущего. Потом — досье на местных демонов-полукровок и торговцев информацией. Может, Лиана как-то выкрутилась? Или Кир... Хотя, о Кире лучше не думать. Пока.

Я сделала глубокий вдох и погрузилась в работу. Война на истощение требовала ресурсов. И первый ресурс, который мне был нужен, — информация. А ее здесь, в этой золотой клетке, оказалось предостаточно. Нужно было только научиться ее добывать и фильтровать. И, может быть, кое-что прятать про запас.

Глава 7. День вместе

Ночь опустилась на город. Яркий, холодный свет луны пробивался сквозь панорамное окно, рисуя на полу и стенах причудливые узоры. Тишина была абсолютной, если не считать далекого, приглушенного гула мегаполиса где-то внизу. Усталость, накопленная за дни бегства и стресса, наконец взяла свое. Мозг отключился, тело требовало отдыха.

Я скинула шорты и футболку, оставив их на полу, и нырнула под прохладный, мягкий шелк простыней. Кровать оказалась невероятно удобной, матрас идеально поддерживал спину. Я с глухим стоном облегчения уткнулась лицом в подушку, обняв вторую, и почти мгновенно провалилась в глубокий, беспробудный сон.

Проснулась я не от звука. От ощущения. Ощущения взгляда. Тяжелого, пристального, неотрывного.

Веки словно слиплись, но инстинкт уже кричал тревогу. Я медленно, стараясь не выдать движения, приоткрыла глаза, оставляя их прищуренными.

В слабом свете, люющем из окна, в кресле у туалетного столика, напротив кровати, сидел он.

Велиал.

Он не прятался. Сидел, откинувшись на спинку, одна нога закинута на колено другой. Он был одет в темные домашние брюки и простую черную футболку, его белые волосы казались серебряными в лунном свете. В руках он держал бокал с темной жидкостью, но не пил. Он просто смотрел. На меня.

Я лежала на боку, повернувшись к нему, прикрытая лишь тонким одеялом до пояса. Во сне я свернулась калачиком, обнимая ногами край одеяла. Вторая подушка, которую я обнимала, съехала, прикрывая лишь часть груди. Я спала без верха, и в полумраке четко вырисовывался мягкий изгиб плеча, линия ключицы, пышный контур груди, уходящий под одеяло к тонкой талии и плавному изгибу бедра — фигура, которую называли «песочными часами». Сейчас она казалась невероятно уязвимой, обнаженной перед этим безмолвным наблюдателем.

Сердце заколотилось где-то в горле, но я не шелохнулась. Не сомкнула глаза сильнее, не перевела дыхание. Я притворилась спящей, наблюдая за ним сквозь ресницы.

Он не улыбался. Его лицо было спокойным, задумчивым. Он изучал меня с той же отстраненной, почти научной тщательностью, с какой разглядывал схему портала или досье. Его взгляд медленно скользил по силуэту под одеялом, останавливался на оголенном плече, на изгибе шеи, на спутанных золотистых волосах, разметававшихся по подушке. В его аметистовых глазах не было вождения. Было... любопытство. Глубокое, ненасытное. Как будто он пытался разгадать сложную головоломку, понять, как устроен этот странный, живой механизм перед ним.

Он сидел так долго. Минуту? Пять? Десять? Время в тишине растягивалось. Я чувствовала каждый мускул, застывший в неподвижности, каждую клеточку кожи, по которой, казалось, ползал его взгляд.

Потом он медленно поднял бокал к губам, отпил маленький глоток. Поставил обратно на столик. И, не сводя с меня глаз, тихо встал.

Он подошел к кровати. Я замерла, готовая в любую секунду рвануться, ударить, закричать, хотя знала, что все это бесполезно. Он остановился в сантиметре от края кровати, его тень упала на меня.

Он наклонился. Я почувствовала его дыхание — теплый, пряный запах дорогого виски. Он протянул руку... и поправил край одеяла, который сполз с моего плеча, аккуратно натянув ткань повыше. Его пальцы не коснулись моей кожи. Ни на миг.

Потом он выпрямился. В последний раз его взгляд скользнул по моему лицу, и в нем на мгновение промелькнуло что-то нечитаемое — нежность? Сожаление? Или просто удовлетворение коллекционера, пополнившего свою коллекцию новым, редким экспонатом?

Он развернулся и так же бесшумно, как появился, вышел из комнаты, растворившись в темноте гостиной. Дверь между комнатами не скрипнула.

Я лежала еще несколько минут, не двигаясь, пока в ушах не перестал стучать собственный пульс. Потом медленно, с трудом, разжала заочевенные пальцы, впившиеся в простыню.

Он не тронул. Не сказал ни слова. Просто смотрел. И это было в тысячу раз страшнее любого действия, потому что это значило, что его «интерес» был глубже, серьезнее, опаснее. Он не хотел просто тела. Он хотел... понимания. Контроля над самой сутью. И начало этому контролю он положил здесь, в тишине ночи, наблюдая за моим сном, за моей беззащитностью, как будто это было его неотъемлемым правом.

Я медленно села на кровати, обхватив себя руками. Лунный свет теперь казался враждебным, обнажающим. Его молчаливый, всевидящий взгляд теперь навсегда будет частью этой комнаты. Частью моего нового «дома».

Я зарылась в постель, натянув одеяло с головой, закрутившись в него, как в плотный, непроницаемый кокон. Шелк был мягким, но не мог укрыть от того, что уже случилось. Внутри этого убежища пахло мной — страхом, шампунем. И все же казалось, что в воздухе все еще висит тонкий, пряный шлейф его присутствия. Извращенец.

Слово крутилось в голове, жгло изнутри. Но это было слишком просто. Слишком человечески. Он не был просто извращенцем. Он был чем-то несравненно более сложным и пугающим. Его интерес был не сексуальным. Он был... онтологическим. Он хотел не обладать телом. Он хотел понять душу. Разобрать механизм. Узнать, что заставляет эту конкретную «ходячую» биться сердце, бояться, злиться, выживать. И его метод наблюдения был столь же бесстрастным и всепроникающим, как взгляд хирурга или энтомолога, изучающего редкий вид насекомого под микроскопом. Тот факт, что «насекомое» было женского пола и спало полуобнаженным, было для него просто еще одной интересной переменной в уравнении.

От этой мысли стало еще холоднее. Я закуталась плотнее, но дрожь шла изнутри. Это была не просто демонстрация силы. Это была демонстрация вседозволенности. Он мог войти когда угодно. Смотреть сколько угодно. И я ничего не могла с этим поделать. Замок на моей стороне двери был бутафорией, театром для моего успокоения. Настоящие правила диктовал он.

Я лежала, уставившись в темноту под одеялом, и мысленно перебирала варианты. Кричать? На кого? Охрана его. Сражаться? Без сил, без оружия, против Князя. Смириться? Стать тем «интересным экспонатом», за которым наблюдают? Это было хуже смерти.

Но... что, если использовать это? Его интерес был моим единственным козырем. Пока он интересовался, я была жива. Более того, пока он интересовался, у меня была какая-то, пусть и призрачная, ценность. Нужно было сделать так, чтобы этот интерес не угасал. Но и не превращался во всепоглощающий контроль.

Нужно было оставаться загадкой. Не сопротивляться открыто — это могло разозлить или, что хуже, развлечь его ненадолго. Но и не быть полностью предсказуемой. Подкидывать ему информацию, но не всю. Показывать слабости, но не настоящие. Играть в его игру, но по своим, тщательно скрытым правилам.

Я глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь. Завтра. Завтра нужно будет вести себя... определенным образом. Не как жертва, увидевшая ночного гостя. А как профессионал, который принял новые условия работы. Может, даже слегка поддразнить его. Спросить что-нибудь вроде: «Ну как, удовлетворили ваше любопытство, шеф?» С иронией, но без вызова. Показать, что я заметила. Что я не сломалась. Что это стало еще одним фактом в нашем странном... партнерстве.

Мысль была отвратительной. Но она была рациональной. Это был единственный способ сохранить хоть тень самоуважения и контроля. Я медленно высунула голову из-под одеяла. Комната была пуста. Лунный свет по-прежнему лился сквозь окно. Все было так же, как и до его прихода. И все было абсолютно другим.

Я повернулась на спину, уставившись в темный потолок. Спать больше не хотелось. Но нужно было заставлять себя. Нужно было набираться сил. Для игры, которая только что перешла на новый, еще более изощренный и опасный уровень.

«Ладно, Велиал, — подумала я, сжимая края одеяла. — Ты любишь наблюдать? Наблюдай. Но помни — за каждым движением наблюдаемого скрывается десяток невидимых. И кто знает, может, однажды наблюдаемое начнет наблюдать за наблюдателем. И найдет в нем слабость».

Утро пробивалось сквозь тонированные стекла холодным, серым светом. Я проснулась медленно, вязко, ощущая тяжесть в мышцах и смутную тревогу под грудью. Я лежала в своей любимой позе — на боку, обнимая вторую подушку, уткнувшись в нее лицом. Одеяло сползло до бедер. Кожа спины и плеч была обнажена, чувствуя прохладу воздуха. Я глубже зарылась лицом в подушку, желая продлить эту невесомость между сном и реальностью.

И тогда, прямо у моего уха, прозвучал его голос. Бархатный, без тени утренней хрипоты. — Пора вставать.

Я вздрогнула всем телом, но не от страха — от сонного, животного раздражения. Мозг, еще не включивший логику, выдал реакцию на уровне инстинкта. Не открывая глаз, я буркнула в подушку, голос был хриплым от сна:

— Нееет... Тебе надо — ты и вставай. Иди там, работай. Я буду спать.

И, для пущей убедительности, я с недовольным кряхтением отвалилась на другой бок, повернувшись к нему спиной. Теперь он видел всю линию моей оголенной спины, изгиб талии, мягко уходящий под край одеяла на бедрах. Я натянула одеяло себе на голову, демонстративно зарываясь в кокон, оставив снаружи только растрепанные золотистые волосы.

В комнате наступила тишина. Я лежала, притворяясь спящей, но каждый нерв был натянут как струна. Я ждала его реакции. Гнева? Насмешки? Еще одного бесшумного наблюдения? Вместо этого я услышала... тихий, сдержанный смешок. Не злой. Скорее, очарованный. Как будто он наблюдал за котенком, который сердится на солнечный луч.

Потом раздался легкий звук — щелчок замка на двери с его стороны. Не резкий, а мягкий, будто он закрывал дверь в библиотеке, чтобы не побеспокоить.

И тишина. Настоящая, без его присутствия.

Я пролежала еще с минуту, не двигаясь, прислушиваясь. Ни шагов, ни дыхания. Он ушел. Он уступил. Не потому, что я его испугала или переубедила. А потому, что моя сонная, нелепая дерзость его... развлекала. Она вписалась в его представление о «дикой, интересной кошке».

Я медленно высунула лицо из-под одеяла и перевернулась на спину, глядя в потолок. На щеках горел румянец — от ярости, от стыда, от осознания своей уязвимости. Но под этим — слабое, колющее чувство... победы. Маленькой, глупой, но победы. Я установила границу. Пусть хрупкую, смехотворную. Но он ее признал. На сегодня.

Я села на кровати, натянула одеяло на плечи, как мантию. Солнце за окном, кажется, стало чуть ярче. Игра продолжалась. И я только что выиграла первый, микроскопический раунд, сыграв на его собственном любопытстве и на своем... сонном упрямстве. Адреналин ночного визита и утренней стычки понемногу рассасывался, уступая место необходимости взять себя в руки. Рутин. Нормальности, даже если она была фальшивой.

Я натянула чистую майку и шорты. Волосы собрала в высокий, небрежный хвост. И принялась за зарядку и растяжку. Это был мой ритуал. Остаток дисциплины из прошлой жизни, способ напомнить телу, кто тут главный, даже когда мозг в панике. Разминка, отжимания, планка — все быстро, без фанатизма, но точно. А потом — растяжка. Это было священнодей-

ствие. Расслабление мышц, возвращение гибкости, которая не раз спасала мне жизнь в тесных лазах и неожиданных схватках.

Я села на пол, медленно разводя ноги в поперечный шпагат. Бедренные мышцы приятно ныли, растягиваясь после ночного сна. Я наклонилась вперед, грудью к полу, вытянув руки, погружаясь в знакомое, почти медитативное состояние. Дыхание выравнивалось. Мысли очищались. В этот момент я была просто телом, преодолевающим сопротивление собственных тканей. Было больно, но это была чистая, честная боль.

Именно в этот момент, когда я сидела, широко разведя ноги, практически касаясь пола тазом, низко наклонившись вперед, дверь снова открылась.

Велиал зашел.

Он остановился на пороге, не говоря ни слова. Я не подняла головы, но кожей спины почувствовала его взгляд. Он видел меня в самой уязвимой, самой открытой позе. Шпагат выставлял напоказ всю длину ног, обтянутых тканью шорт, подчеркивал линию бедер и таза. Это была поза полной физической открытости, почти капитуляции тела перед силой тяжести.

Я не шевельнулась. Продолжала дышать ровно, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Я ждала его колкости, замечания, очередного томного «mmm, аппетитно». Но он снова промолчал. Просто стоял и смотрел. Его молчание было громче любых слов. Оно говорило: *«Я вижу. Я наблюдаю. Ты не прячешься. И это... интересно»*.

Я медленно, с невероятным усилием воли, заставила себя подняться из наклона. Не резко. Плавно, как будто его присутствие было частью ритуала. Я села прямо, сложила ноги по-турецки, и только тогда подняла на него взгляд.

— Что, расписание нарушаю? — спросила я, и голос мой прозвучал на удивление спокойно, даже с легкой насмешкой. — Или просто снова заглянуть пришел?

Он улыбнулся. Не той игривой, опасной улыбкой, а чем-то более... оценивающим.
— Продолжай. Мне нравится смотреть, как ты работаешь. Даже над собой.

И он, к моему изумлению, отступил на шаг назад, но не ушел. Прислонился к косяку двери, скрестив руки, приняв позу зрителя на спектакле. Как будто моя утренняя растяжка была самым занимательным представлением в мире.

Внутри все сжалось. Но я поняла правило этой новой игры: не показывать, что его взгляд имеет значение. Не прятаться. Не краснеть. Делать свое дело, как будто он — часть интерьера. Статуя. Надоедливый кот.

Я кивнула, как будто его слова были самой обычной просьбой, и медленно, с полным контролем, перешла в продольный шпагат, вытянув одну ногу вперед, другую назад. Снова наклонилась, теперь уже к вытянутой вперед ноге. Мышцы горели. Я сосредоточилась на дыхании, на ощущениях в теле, вытесняя из сознания его немую фигуру в дверном проеме.

Он наблюдал. Молча. И в этом молчаливом наблюдении была новая, изощренная форма власти. Но и для меня в этом был вызов: сохранить свое пространство, свой ритуал, даже под его всевидящим оком. Это была наша странная, немая битва воли. И пока я тянулась, а он смотрел, казалось, что счет пока равный.

Я медленно вышла из шпагата, встала на ноги, чувствуя приятное жжение в растянутых мышцах. Дыхание было ровным, пульс спокойным. Нужно было закончить ритуал. Я поставила ноги на ширине плеч, выпрямила спину, а затем плавно, без рывка, наклонилась вперед. Позвоночник расслабился, позвонок за позвонком. Руки свободно свисли к полу. Я опустила глубоко, коснувшись лбом собственных коленок.

В этой позе мир перевернулся. Комната висела вверх ногами в моем перевернутом поле зрения. Я видела собственные ступни, пол, и... его ноги в темных брюках, все еще недвижимые в дверном проеме. Кровь прилила к голове, загудела в ушах. Я задержалась так, считая про себя. Десять секунд. Двадцать.

Это была поза полной уязвимости и полного доверия телу. Голова — самая важная и незащищенная часть — была обращена к полу, подставлена под возможный удар. Спина была выгнута, открыта. В таком положении невозможно быстро среагировать, увернуться. Это была капитуляция перед физикой, медитативное отпусканье контроля.

И он все еще наблюдал. Я чувствовала его взгляд на затылке, на линии позвоночника, отчетливо проступавшей под тонкой тканью майки. Минута в таком положении под его молчаливым наблюдением казалась вечностью. Каждая секунда была испытанием. Не только для мышц, но и для нервов. Выдержу ли? Не дернусь ли? Не покажу ли, что его присутствие выводит из равновесия?

На сорок пятой секунде я услышала едва уловимый звук — не шаг, а скорее смещение веса. Он, кажется, слегка изменил позу. Но не ушел.

На пятидесятой я почувствовала легкое головокружение от притока крови. Пора.

Я медленно, с тем же контролем, с которым наклонялась, начала подниматься. Позвонок за позвонком, выпрямляя спину. Когда я, наконец, встала прямо, лицо было горячим, в глазах немного поплыло. Я сделала глубокий вдох, выдох, и только потом повернулась к нему.

Он стоял все там же. Его лицо было непроницаемым, но в аметистовых глазах светилось одобрение. Не похотливое. Спортивное. Как у тренера, наблюдающего за идеально выполненным сложным элементом.

— Гибкая, — констатировал он просто. — И дисциплинированная. Хорошие качества.

— Спасибо, — ответила я, вытирая тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот. — Теперь, если позволишь, я приму душ. И займусь настоящей работой.

Я подчеркнула последнее слово, давая понять, что спектакль окончен. Он кивнул, как будто получил именно то, за чем пришел.

— Конечно. Завтрак будет ждать в гостиной через полчаса. Мы обсудим задание.

Он развернулся и наконец-то ушел, на этот раз закрыв за собой дверь.

Я осталась стоять посреди комнаты, все еще чувствуя жар в щеках и странную, ледяную пустоту в груди. Этот немой поединок... я его выдержала. Не сломалась. Не убежала. Даже в самой уязвимой позе. Но цена была ясна. Каждое движение, каждая слабость и сила теперь были под прицелом его внимания. Он изучал меня. Собирал данные. И я, по глупости или по необходимости, предоставляла их ему. Добровольно.

Я двинулась к двери ванной, все еще чувствуя на спине воображаемый след его взгляда. Но это было воображением, пока я не обернулась, чтобы захлопнуть за собой дверь.

Он просто стоял там, прислонившись к стене, и смотрел. На мой путь из спальни в ванную. Его взгляд был задумчивым, оценивающим, но в нем не было ни тени смущения. Чаша терпения переполнилась. Я остановилась, повернулась к нему лицом, скрестив руки на груди. Ярость, приглушенная утренней гимнастикой, вскипела с новой силой.

— Ты что, так и будешь подглядывать везде? — выпалила я, голос прозвучал резко, без тени игривости или страха. — В спальне, на зарядке, теперь в коридоре? У тебя вообще есть какие-то границы, или для Князя Обмана такие понятия — просто слова?

Он не смутился. Напротив, его губы тронула игривая, опасная улыбка. Он медленно оттолкнулся от стены и сделал шаг в мою сторону.

— А что, — произнес он мягко, растягивая слова, — приглашаешь присоединиться?

Это был прямой, наглый, изощренный провокационный удар. Он проверял, как далеко может зайти. Сможет ли превратить мое возмущение в смущение, в игру, в которой у него все руках.

Вместо смущения во мне вспыхнул холодный, ясный гнев. Я не отступила. Напротив, я сделала шаг навстречу, сокращая дистанцию. Мои глаза, наверное, сверкали, как лезвия.

— Нет! — бросила я, и слово прозвучало как хлопок бича. — Уйди, извращенец! Я не экспонат в твоей коллекции странностей! И не игрушка для развлечения! Если мы «работаем»

вместе, то ведите себя профессионально! Или ваше понятие о работе включает в себя домогательства к подчиненным?

Я сознательно использовала «вы» и «подчиненные», выстраивая дистанцию. Я не «златовласка» в его игре. Я — наемный специалист, указывающий на нарушение трудовой этики. Смешно, абсурдно, но это была единственная доступная мне форма защиты.

Он замер. Улыбка не сошла с его лица, но в глазах промелькнула искра... азарта. Ему нравилось, что я не ломаюсь. Что я огрызаюсь. Что я пытаюсь устанавливать свои правила в его же логове.

— Домогательства? — он притворно удивился, положив руку на грудь. — Я всего лишь... интересуюсь рабочим процессом. И условиями труда своего ценного контрактора. Но если тебя смущает мое присутствие... — он сделал паузу, его взгляд скользнул по мне с ног до головы, — я удалюсь. На время.

Он повернулся и, не добавляя больше ни слова, растворился в темноте прохода. Дверь, ведущая, видимо, в его часть апартаментов, беззвучно закрылась. Я стояла еще несколько секунд, дрожа от выброса адреналина. Я сказала ему «извращенец» в лицо. И он... отступил. Не извинился. Не рассердился. Просто отступил, как хищник, который решил, что играть с добычей сейчас не стоит.

Это была не победа. Это было перемирие, выстраданное на грани срыва, но оно давало мне передышку. Я резко развернулась, зашла в ванную и с силой захлопнула дверь, на этот раз повернув ключ изнутри. Звук был громким, почти детским жестом в этой бетонной крепости. Но это было что-то. Маленький акт неповиновения.

Я прислонилась спиной к холодной двери и закрыла глаза. Дрожь понемногу уходила, сменяясь тяжелой усталостью. Жить в состоянии постоянной обороны было невыносимо. Но, кажется, я только что нашла слабое место в его броне: его интерес. Он не хотел сломать игрушку. Он хотел, чтобы она продолжала быть интересной. А значит, мои протесты, мои границы — если их выстраивать четко и без истерик — могли стать частью этой игры. Частью, которая удерживала бы его на расстоянии.

Я вышла из душа, кожа покрасневшая от горячей воды, волосы, собранные в высокий пучок, еще были мокрыми. И тут меня осенило: я не взяла сменную одежду. Черт. Черт, черт, черт. Оглянувшись, я поняла, что и халата здесь нет — он остался в спальне.

Вариантов не было. Я намотала на себя большое, пушистое банное полотенце, закрепив его концы у груди. Оно доходило примерно до середины бедер.

Я приоткрыла дверь, высунула голову, осматривая коридор. Пусто. Сделав глубокий вдох, я рванула в свою комнату, стараясь двигаться быстро и бесшумно.

И почти достигла цели, когда из прохода слева, того самого, где он стоял раньше, раздался его бархатный голос:

— О, какой вид. Интригует.

Я замерла на полпути, не оборачиваясь. Полотенце внезапно показалось мне смехотворно маленьким и ненадежным. Я чувствовала его взгляд на своей спине, на каплях воды, скатывающихся по лопаткам, на линии бедер, выступающей из-под края ткани.

— Я просто... забыла одежду, — процедила я сквозь зубы, не поворачивая головы.

Я сделала шаг к своей двери, но его голос снова остановил меня, теперь уже ближе.

— Не торопись. Ты же только что обвиняла меня в отсутствии профессионализма. А сама ходишь по рабочему месту... в таком виде. Не считаешь ли это двойными стандартами?

Я медленно, с трудом, повернулась к нему. Он стоял в двух шагах, все в тех же темных брюках и черной футболке, которая теперь казалась нарочито обыденной на фоне моего полотенца. Его взгляд скользил по мне без стыда, с тем же аналитическим интересом, с каким изучал портал или карту.

— Рабочее место, — парировала я, чувствуя, как жар поднимается к лицу, — это, на минуточку, моя спальня. Я не в офисе. А вы... вы как раз вторгаетесь в личное пространство. Так что двойные стандарты — полностью на вашей совести.

Я не стала ждать ответа. Развернулась, толкнула дверь в свою комнату, влетела внутрь и тут же захлопнула ее за собой, прислонившись к ней спиной. Сердце бешено колотилось. Черт возьми, этот... этот нахал!

Стоя за дверью, я услышала его тихий, довольный смешок с другой стороны. Потом — удаляющиеся шаги. Я выдохнула, чувствуя, как дрожь в коленях сменяется яростью. Он снова выиграл этот раунд. Заставил меня чувствовать себя уязвимой, поймал в неловкой ситуации и еще и поддел на слове.

Я быстро натянула на себя чистое белье, джинсы и кофту — что-то темное, закрытое, практичное. Одежда стала доспехами. Психологическими, но доспехами.

Когда я, уже одетая, снова вышла в гостиную, он сидел за столом у окна, на котором были расставлены кофе, свежий круассан и какие-то фрукты. Он выглядел совершенно непринужденно, будто ничего не произошло.

— Садись, — сказал он, указывая на стул напротив. — Поешь. Поговорим о деле. Надеюсь, теперь ты в более... рабочем настроении.

Я села, взяла чашку кофе. Напиток был крепким и горьким, как и должно быть. Я смотрела на него поверх края чашки. Его игра была ясна: держать меня в состоянии легкого стресса, неуверенности, постоянно проверять границы. Но у каждой игры есть правила. И если он хотел, чтобы я работала, ему придется эти правила хоть как-то соблюдать. Или я найду способ сделать его несоблюдение... невыгодным.

— Я всегда в рабочем настроении, — ответила я, отставляя чашку. — Говорите, какое задание?

Он изложил ситуацию с холодной, беспощадной логикой. Исходя из моего описания — «металлическая пустота», «тишина, давящая на уши» — круг подозреваемых сузился. Это не был грубый, шумный Маммон с его денежными потоками. Не Астарот с его любовью к сложным, паутинообразным интригам. Это был кто-то... аскетичный. Хладнокровный. Ценящий порядок и чистоту методов выше грубой силы. Он назвал несколько имен из высших эшелонов, чьи «почерки» и сферы влияния могли соответствовать: некто Ваал-Забулон, архивариус Бездны, или Шаккал, Страж Равновесия, чья магия работала на принципах абсолютного нуля и нейтрализации.

— Твоя задача, — сказал он, откидываясь на спинку кресла, — найти их следы здесь, на Земле. Агентов, подставные фирмы, финансовые воронки. Все, что может вести к ним. Используй доступ к базам. Я дал тебе достаточно каналов.

Я кивнула, погруженная в данные. Это была сложная, но понятная работа. Детектив в мире теневой экономики и межпространственного шпионажа. На какое-то время я даже забыла, кто сидит напротив.

Забыла, пока он не нарушил тишину. Не резко. Плавно, как змея, меняющая направление.

— Кстати, о следах, — его голос потерял деловой оттенок, стал задумчивым. — Ты, когда описывала ощущения... была очень сосредоточена. Лицо стало таким серьезным. Почти суровым. Совсем не то, что утром, когда ты потягивалась или... ругалась на меня.

Я подняла на него взгляд. Он смотрел на меня с легкой, игривой улыбкой, перебирая пальцами ручку. — Мне даже стало интересно, какое у тебя лицо, когда ты... ну, не на работе. Когда расслаблена. Искренне.

Это был легкий, почти невесомый флирт. Замаскированный под любопытство. Провокация.

— Когда я искренне расслаблена, — ответила я, не отводя глаз от экрана, но чувствуя, как по спине пробегают мурашки, — за мной обычно никто не подглядывает. Это способствует расслаблению.

Он рассмеялся — тихим, приятным смешком. — Справедливая критика. Но представь мое положение. Рядом находится такое... яркое существо. С характером. С талантом. И с такими выразительными глазами, которые так здорово сверкают, когда ты злишься. Как тут не заинтересоваться?

Он встал и медленно обошел стол, остановившись сбоку от моего кресла. Не касаясь. Но его присутствие стало физически ощутимым. — Ты знаешь, большинство тех, кто работает на меня, боятся даже вздохнуть лишний раз. А ты... ты устанавливаешь правила. Требуешь уважения. Это редкое качество. И, должен признать, весьма... возбуждающее.

Последнее слово он произнес почти шепотом, наклоняясь так, что его губы оказались в сантиметре от моего уха. Его дыхание, теплое и пряное, коснулось кожи. Это была уже не провокация. Это была прямая атака. Игра на моей территории, которую он сам же мне и выделил.

Я не отпрянула. Но и не повернулась к нему. Продолжала смотреть на монитор, хотя буквы уже расплывались. — Если «возбуждающее» — это ваш критерий профессиональной пригодности, — сказала я, заставляя голос звучать ровно, — то, боюсь, вы наняли не того специалиста. Я здесь, чтобы искать дыры в порталах и финансовые схемы, а не... развлекать.

Он выпрямился, и я почувствовала, как напряжение слегка спало. — А кто сказал, что это взаимоисключающие понятия? — он вернулся на свое место, снова приняв вид делового партнера. — Ладно, ладно. Не буду отвлекать от важной работы. Но запомни, златовласка... — его взгляд стал тяжелым, обещающим. — Твой профессионализм я ценю. Но твоя... живость... интересует меня куда больше. И рано или поздно мы исследуем и этот аспект нашего сотрудничества. Без домогательств, разумеется. По взаимному согласию.

Он улыбнулся, как кот, который только что показал когти, а теперь умывается. — А теперь, пожалуйста, вернись к схемам Шаккала. Мне нужны факты. Красивые глаза подождут.

Я кивнула, чувствуя, как внутри все переворачивается. Он снова установил правила. Сместил фокус. И оставил меня с тлеющим угольком тревоги и... черт возьми, чего-то еще, что отказывалось угаснуть. Сделка с дьяволом становилась все сложнее. И все опаснее. Не только для жизни. Для самой себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.